

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XII

тематическая конференция

«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

(сборник материалов)

Москва

2020

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В.
Ломоносова,
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XII
тематическая конференция
«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
(сборник материалов)

Сопредседатели программного комитета
Е. Т. Гурвич, В. М. Полтерович, А. Я. Рубинштейн

Москва
2020

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В.
Ломоносова,
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XII
тематическая конференция
«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»
(сборник материалов)

Составители
Е.Ш.Гонтмахер, Л.Н.Овчарова

Москва
2020

УДК 338

ББК 65

ISBN 978-5-9940-0694-8

IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том XII.
Тематическая конференция «Социальная политика» (сборник
материалов) / Составители: Е.Ш.Гонтмахер, Л.Н.Овчарова. – М., 2020.

Все тексты публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-9940-0694-8

Москва
2020

Социальная политика

Научные координаторы: Евгений Шлемович Гонтмахер, Лилия Николаевна Овчарова.

1. Берендеева Алла Борисовна
«Социальные диспропорции и их преодоление в российских регионах»
2. Бурдяк Александра Ярославовна, Малева Татьяна Михайловна, Гришина Елена Евгеньевна
«Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту?»
3. Варламова Юлия Андреевна
«Межпоколенческий цифровой разрыв в России: уровни, динамика, специфика»
4. Горина Елена Александровна, Селезнева Елена Владимировна
«Внутренняя продовольственная помощь детям раннего возраста в регионах России»
5. Григорьева Ирина Андреевна
«Старение и трансформация приоритетов социальной политики»
6. Громов Владимир Владимирович
«Неиспользованные резервы НДФЛ как инструмента социальной политики государства»
7. Гудкова Татьяна Борисовна, Карева Дарья Евгеньевна
«Факторы субъективного благополучия старшего поколения в России»
8. Маланина Вероника Анатольевна, Фролова Елена Александровна
«Бедность среди пожилых людей в России: потенциальные предикторы»
9. Мареева Светлана Владимировна
«Монетарное неравенство в России в социологическом измерении»
10. Меньших Дарья Александровна
«Динамический подход при анализе бедности в России: влияние новых антикризисных мер на уровень хронической и переходной бедности»
11. Плискевич Наталья Михайловна
«Российское социальное государство и проблемы национальной безопасности»

12. Ржаницына Людмила Сергеевна
«Совершенствование системы получения алиментов - путь снижения бедности»
13. Селезнева Елена Владимировна
«Развитие инструментов оценки нуждаемости в долговременном уходе в странах мира»
14. Соболева Ирина Викторовна
«Уязвимые группы в условиях цифровизации: вызовы для социальной политики»
15. Тихонова Наталья Евгеньевна, Слободенюк Екатерина Дмитриевна
«Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции»

Берендеева А.Б.

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

Социальные диспропорции и их преодоление в российских регионах

Социальные диспропорции в современной России проявляются, прежде всего, в *демографической сфере* (несоответствие территории страны и численности населения, отставание от развитых стран по многим демографическим показателям, существенная диспропорция полов в большинстве регионов, рост демографической нагрузки, др.), в *сфере труда* (несоответствие между характеристика спроса и предложения рабочей силы в регионах, в том числе в профессионально-квалификационном аспекте, др.), в *сфере доходов населения* (низкая доля оплаты труда в доходах, несоответствие низких зарплат работников социальной сферы значимости их труда, поляризация доходов бедных и богатых, наличие скрытых доходов, др.), в *структуре расходов населения* (высокая доля расходов на покупку продовольствия, низкая покупательная способность среднедушевых денежных доходов, др.), в *состоянии социальной сферы* (недостаточные государственные расходы на социальные нужды, несоответствие величины муниципальных бюджетов и потребностей в развитии доступной и качественной социальной сферы и инфраструктуры во многих муниципалитетах, др.).

Какова методология современных экономических преобразований в России? С позиции А.И. Субетто выделяется 8 таких законов (инфраструктурный, централизации управления социально-экономическим развитием России, существования достаточного сектора мобилизационной экономики, плановости, общинно-государственного землепользования как закон бытия российской цивилизации, доминирования закона кооперации над действием закона конкуренции, стратегического резервирования для сглаживания кризисов развития, закон идеократии).

Вместе с тем для нашей страны актуальны проблемы суженного воспроизводства и депопуляции, старения населения и ухудшение его качества, перехода семьи к нуклеарному типу и др. Наш анализ показал, что население России и ЦФО в 2015–2017 гг. росло, но, например, в 2017 г. рост происходил только за счет Москвы и Московской области, во всех остальных 16 субъектах ЦФО наблюдалась убыль населения. Наибольшее изменение численности населения в 2017 г. из регионов Верхневолжья – в Ивановской и Владимирской областях, затем идут Костромская и Ярославская области. Население РФ растет за счет мигрантов при сохранении естественной убыли. Положительный миграционный прирост в ЦФО имеют г. Москва, области Белгородская, Воронежская, Калужская, Московская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ярославская. В остальных областях (Брянской, Владимирской, Ивановской, Костромской, Курской, Липецкой, Орловской, Тверской число выбывших превышает число прибывших (миграционная убыль). В Ивановской области самый высокий среди рассматриваемых регионов коэффициент естественной убыли.

С учетом территориальных масштабов нашей страны актуально говорить о законе *народосбережения*, поскольку вопросы демографической безопасности сейчас выходят на одно из первых мест, и неслучайно Президент России В.В. Путин в своих выступлениях выдвигает демографические проблемы на первый план.

В современной России острыми остаются проблемы дифференциации уровня развития территорий; сохраняется высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства (по уровню и качеству жизни, обеспеченности инфраструктурой); нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия; недостаточное количество центров экономического роста для обеспечения ускорения экономического роста России и т.д.

Во многих малых и моногородах повысилась степень износа инженерной и социальной инфраструктуры из-за дефицита местных бюджетов; снизились возможности для развития среднего и малого бизнеса в городах из-за падения спроса на бытовые услуги в результате бедности населения; произошел отток молодежи и наиболее активной части трудоспособного населения в другие, более крупные и полиструктурные города и изменилась в худшую сторону половозрастная структура населения.

Приняты Дорожная карта развития агломераций в РФ, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., в которой говорится о необходимости трансформации пространственной организации экономики. В связи с этим одним из законов социально-экономического развития России должен стать закон *выравнивания диспропорций территориального развития*.

Как реагирует наука на происходящие социальные изменения и социальные «издержки» реформирования? Вторая половина XX в. породила концепции социальной экономики (социальной экономии, социэкономии), социального рыночного хозяйства, экономической социодинамики, социализации и социальных свойств экономики, социальной ответственности бизнеса, др. Особая роль человека как ресурса, капитала в экономике разрабатывается в рамках теорий и концепций: человеческого капитала, национального богатства, неоиндустриальной и инновационной экономики, цифровой экономики, информационного общества, экономики знаний, креативной экономики, и др.

При этом социальные проблемы исследуются в рамках междисциплинарного подхода – на стыке наук, прежде всего экономики, социологии, психологии, учения о ноосфере и т.д. При этом активно выдвигаются новые теории, концепции, идеи. «Издержки» российского реформирования отражены в концепциях: изъянов смешанной экономики, общественных метаморфоз, общества травмы, неопределенности, прекариата как нового класса, безопасности / вызовов, угроз, рисков и др. Актуальные теории и концепции модернизации, социального государства, солидарности и сплоченности, социального партнерства, общественного здоровья, экономики счастья, справедливости, доверия в обществе, др.

Каковы изменения в социально-экономической политике государства как ответ на вызовы и угрозы внутренней и внешней среды?

Положительны сдвиги в социальной политике государства с 2020 г. – распространение материнского (семейного) капитала на первого ребенка, увеличение выплат на детей до 3-летнего возраста, программа «Сельский учитель», компенсация ипотеки и другие льготы многодетным семьям, льготная ипотека для селян и др.

Поскольку улучшение демографических показателей, как показывают многочисленные исследования, является результатом комплекса мер, задача

федеральной и региональной власти – оказывать широкий спектр мер поддержки населению особенно репродуктивных возрастов, а также детей, семей разных типов с учетом структуры потребностей современного человека, семьи. Главная группа мер должна касаться улучшения жилищных условий (жилье – самый дорогой товар первой необходимости), образования, здравоохранения, создания рабочих мест с достойными условиями и оплатой труда. Необходимо добиваться реального повышения качества и доступности (финансовой, территориальной, временной) социальных услуг. В качестве индикаторов перемен могут быть широко распространены в настоящее время опросы населения, в том числе интернет-опросы на сайтах региональной и муниципальной власти.

Необходимо добиться высокой эффективности бюджетных средств, направляемых на модернизацию моногородов и уход от зависимости от градообразующих предприятий. При этом важно использовать комплекс мер и созданных институтов, а также мировой опыт, прежде всего при разработке концепций и стратегий развития таких территорий для поиска наиболее эффективных механизмов реабилитации части монопрофильных городов, для сотрудничества всех уровней власти, бизнеса и проживающего в них населения.

Актуальна тема реиндустриализации и повышения доли промышленности в структуре ВРП регионов, дальнейшего развития системы госзаказа и оборонзаказа, создания в каждом регионе развитой институциональной среды (индустриальные и технопарки, ТОРы, научно-образовательные центры, детские кванториумы и т.д.), совершенствование системы оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих, руководителей территориальных образований (губернаторов, глав муниципальных образований и т.д.).

Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я.
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Москва

Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту?¹

Ключевые слова: хроническая бедность, длительная бедность, острота бедности, факторы

JEL: I32, I38

В центре данного исследования – хроническая или длительная бедность российского населения в 2010-е годы. Изучение факторов попадания домохозяйств в ловушку длительной бедности актуально в свете необходимости снижения уровня бедности, как одного из показателей, характеризующих достижение национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей», поставленной Президентом РФ в Указе от 21.07.2020 N 474².

Анализу хронической бедности в России посвящены работы Д. Спрыскова (2000), Ю. Такэды (2005), И. Денисовой (2007), Б. Миллса и Э. Микерези (2009). Однако, все указанные исследования были сделаны до 2010 г. В данной работе мы проводим анализ факторов хронической бедности в России в период с 2010 г. по 2018 г., а также численно оцениваем влияние различных характеристик домашних хозяйств на хроническую и временную остроту бедности.

Расчеты на данных панельного обследования населения Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о существенной мобильности респондентов по доходам. От года к году в период с 2010 г. по 2018 г. между состояниями «бедность» и «небедность» перемещались от 13% до 18% респондентов. При этом почти половина респондентов хотя бы один год из девяти находились в состоянии бедности. Определив хроническую бедность на основе подхода Евростата, модифицированного к российским условиям, мы получили, что 6% респондентов были хронически бедными в 2010-2018 гг.

Изучение влияния различных факторов на вероятность хронической бедности, показало, что риски хронической бедности выше среди лиц, проживающих в многодетных или неполных семьях, в семьях, имеющих в своем составе безработных, а также лиц,

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания РАНХиГС на 2020 г.

² Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»

часто употребляющих алкоголь, в семьях, проживающих в сельской местности (таблица 1). При этом снижают вероятность хронической бедности высокая доля работающих лиц среди взрослых членов семьи, высокая доля лиц с высшим образованием, наличие и рост числа лиц старше трудоспособного возраста, а также наличие членов семьи, пытавшихся когда-либо открыть свое собственное дело. Взросление детей также снижает вероятность хронической бедности. Из состояния хронической бедности, при прочих равных, крайне бедным семьям выбраться сложнее.

Таблица 1. Результаты моделирования зависимости вероятности хронической бедности от различных факторов

	Модель 1	Модель 2
Д/х с 1 ребенком	0,47***	0,46***
Д/х с 2 детьми	0,62***	0,65***
Д/х с 3 и более детьми	1,04***	1,09***
Д/х с лицами пенсионного возраста	-0,48***	
Доля работающих в д/х	-1,09***	
Доля неработающих взрослых в д/х		0,24***
Доля работающих на малом предприятии	0,49***	
Глава д/х - женщина	0,15***	0,14***
Крайне бедное д/х	0,60***	
Опыт открытия собственного дела	-0,20**	-0,18***
Доля лиц с высшим образ. в д/х		-1,09***
Д/х без лиц с высшим образ.	0,46***	
Доля часто употребляющих алкоголь в д/х		0,23**
Сельская местность	0,24**	
ЦФО	0,24***	0,19***
СЗФО	-0,63**	-0,33*
ПФО	0,21**	0,09
УФО	0,35***	0,35***
СФО	0,53***	0,44***
ДФО	0,88***	0,79***
Уменьшение численности детей	-0,15**	-0,15***
Увеличение численности детей	0,48***	0,36***
Увеличение лиц пенсионного возраста	-0,44***	-0,28***
Уменьшение лиц пенсионного возраста	0,30***	
Увеличение безработных	0,15***	0,12***
Константа	-1,77***	-0,89***

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Эконометрический анализ проводился с учетом эффекта «обсыпания выборки» панельного исследования, что позволило получить более корректные оценки факторов и учесть выбывшие из наблюдения домашние хозяйства. При оценке влияния факторов на вероятность того, что индивид попадет в категорию хронически бедных, применялась модель Хекмана со смещением самоотбора, которая в случае бинарной зависимой

переменной реализована в Stata в виде пробит-модели. Для моделирования влияния различных факторов на временную и хроническую остроту использовалась двухшаговая процедура Хекмана, которая подходит для моделей с цензурированными данными и со смещением самоотбора.

Факторы, влияющие на остроту хронической бедности, во многом схожи с факторами, влияющими на вероятность хронической бедности (таблица 2). Если провести декомпозицию остроты хронической бедности на постоянную и временную составляющие, то обнаруживаются факторы, которые по-разному влияют на эти две компоненты. Так, взросление детей значимо сокращает хроническую, но не временную остроту бедности. Ощущение полной бесправности³ повышает хроническую остроту бедности, и не влияет на временную ее компоненту. Сокращение числа лиц старше трудоспособного возраста в домохозяйстве повышает временную остроту бедности, при этом не оказывает значимого влияния на хроническую остроту бедности.

Таблица 2. Результаты моделирования зависимости хронической и временной остроты бедности от различных факторов

	Модель 3		Модель 4	
	Хроническая острота бедности	Временная острота бедности	Хроническая острота бедности	Временная острота бедности
Д/х с 1 ребенком	0,006***	0,003***	0,002*	0,000
Д/х с 2 детьми	0,013***	0,012***	0,007***	0,006***
Д/х с 3 и более детьми	0,047***	0,024***	0,032***	0,009***
Доля работающих в д/х			-0,008***	-0,011***
Д/х с безработными	0,010***	0,014***	0,003**	0,006***
Д/х с лицами пенсионного возраста	-0,006***	-0,010***	-0,006***	-0,010***
Глава д/х - женщина	0,006***	0,005***	0,004***	0,003***
Доля лиц с высшим образ. в д/х	-0,005***	-0,008***		
Доля часто употребляющих алкоголь в д/х	0,008***	0,006***		
Опыт открытия собственного дела	-0,007***	-0,003***	-0,004***	0,000
Ощущение себя бесправным	0,006***	-0,001	0,007***	0,000
Крайне бедное д/х			0,065***	0,062***
Областной центр	-0,006***	-0,004***		
Сельская местность	0,016***	0,006***	0,009***	0,001
ЦФО	0,000	-0,009***	0,006***	-0,003**
СЗФО	-0,013***	-0,012***	0,000	0,000

³ Бесправными мы считаем тех, кто поставил себя на самую нижнюю ступень при ответе на вопрос: «А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

	Модель 3		Модель 4	
	Хроническая острота бедности	Временна я острота бедности	Хроническа я острота бедности	Временна я острота бедности
ПФО	0,004**	-0,008***	0,007***	-0,005***
УФО	0,000	-0,005*	0,009***	0,004
СФО	0,005**	-0,002	0,011***	0,003**
ДФО	0,017***	0,014***	0,020***	0,016***
Рост числа детей	0,009***	0,003***	0,009***	0,003***
Снижение числа детей	-0,004***	-0,001	-0,002*	0,001
Рост числа лиц пенсионного возраста	-0,006***	-0,005***	-0,005***	-0,004***
Снижение числа лиц пенсионного возраста	0,000	0,002*	0,001	0,002**
Рост числа безработных	0,004***	0,010***	0,002**	0,009***
Константа	-0,034***	0,014	-0,007	0,037***

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Источник: Расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Проведенный анализ позволил сформулировать некоторые рекомендации по снижению хронической бедности. В частности, снижению рисков хронической бедности могло бы способствовать расширение программы государственной социальной помощи на основании социального контракта для лиц, находящихся в глубокой хронической бедности и имеющих множественные лишения, при условии увеличения периода социального сопровождения указанных лиц и объемов предоставляемой им помощи.

Список литературы

- Спрысков Д. С. (2000). Длительная бедность в России. Препринт № BSP/2000/037. М.: РЭШ.
- Такэда Ю. (2005). Временная или хроническая бедность в России? // XX век и сельская Россия. CIRJE Research Report Series, Vol. CIRJE-R-2. Токио. С. 364–391.
- Denisova I. (2007). Entry to and exit from poverty in Russia: Evidence from longitudinal data. *Working Papers*, No. w0098. Moscow: Center for Economic and Financial Research.
- Mills B. F., Mykerezzi E. (2009). Chronic and transient poverty in the Russian Federation. *Post-Communist Economies*, Vol. 21, No. 3, pp. 283–306.

Межпоколенческий цифровой разрыв в России: уровни, динамика, специфика

Неоднородность доступа и использования цифровых технологий приводит к возникновению цифрового разрыва. Межпоколенческий цифровой разрыв приобретает особую значимость в свете проблемы старения населения, увеличения населения старших возрастов в возрастной структуре населения России. Фокус исследования сосредоточен на двух направлениях: цифровой разрыв между поколениями и его динамика во времени. В работе преследуется цель — ответить на следующие исследовательские вопросы: каковы масштабы межпоколенческого цифрового разрыва в России, происходит ли сокращение межпоколенческого цифрового разрыва за последние годы.

На основе теории поколений Howe, Strauss (1991), Башиной, Васютиной, Матраевой (2018), Радаева (2019), демографического подхода выделены пять поколений в российском обществе. Теоретические положения об уровнях цифрового разрыва Van Dijk (2005), Vehovar et al. (2006), Büchi, Just, Latzer (2016), Добринской, Мартыненко (2019) позволили выделить три уровня межпоколенческого цифрового разрыва в России и на основе вопросов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РЛМС-ВШЭ) составлен список переменных, напрямую или косвенно свидетельствующих о различиях между поколениями в доступе, использовании и выгодах от использования цифровых технологий.

По переменным, характеризующим соответствующий уровень межпоколенческого цифрового разрыва, был проведен кросс-секционный и динамический анализ по объединенным данным РЛМС-ВШЭ. По первому уровню цифрового разрыва была построена синтетическая бинарная переменная, отражающая доступ респондентов к цифровым технологиям. Гипотеза об увеличении межпоколенческого цифрового разрыва была протестирована с использованием расчета расстояния во времени между текущим и нормативным значением.

Результаты исследования показали, что в российском обществе присутствует цифровой разрыв первого и второго уровня. Первый уровень цифрового разрыва представлен показателями, описывающими долю представителей соответствующего поколения, имеющего доступ к различным цифровым устройствам (гаджетам). Неоднородность владения и доступа к цифровым устройствам связана с более активным

освоением молодыми поколениями по сравнению со старшими поколениями новых устройств: планшеты, «умные» часы, смартфоны, ноутбуки распространены у поколений Y и Z, в то время как среди представителей молчаливого поколения распространены мобильные телефоны. Бинарная переменная, характеризующая доступ к цифровым технологиям, позволила провести сравнение поколений по цифровому разрыву первого уровня. Основной вывод заключается в том, что поколения Z, Y, X и беби-бумеры находятся на достаточно высоком уровне обеспеченности доступа к цифровым технологиям, от них серьезно отстает молчаливое поколение. Однако, среди представителей молчаливого поколения наблюдается стабильный рост владельцев гаджетов — с 61 до 77% за 2012-2018 гг.

Цифровой разрыв второго уровня — в использовании Интернета — демонстрирует более значительные отличия между поколениями в сравнении с цифровым разрывом первого уровня. Так, в 2018 году 95,4% представителей поколения Y пользовались Интернетом. Среди поколения Z и поколения X 80% респондентов пользовались Интернетом, а среди поколения беби-бумеров — 43%. Наименьшее значение пользователей Интернета среди молчаливого поколения — только 7%.

Цифровой разрыв третьего уровня — в выгодах от использования цифровых технологий — представлен в исследовании в косвенном виде: на основе сравнения поколений по целям использования Интернета, что характеризует основные сферы деятельности, в которых Интернет приносит выгоду. Основной вывод анализа заключается в том, что работа как цель использования Интернета существенно уступает развлечениям, поиску информации. Для поколения Z в силу возрастных особенностей характерно также использование Интернета для учебы.

Анализ динамики межпоколенческого цифрового разрыва второго уровня показал, что наблюдается резкий повышательный тренд использования Интернета для поколения Z с 48 до 80%, при этом такого стремительного увеличения Интернет-пользователей не наблюдается среди представителей других поколений. И если для поколения Y охваченность Интернет-пользователей близка к 100%, поэтому стремительного роста пользователей среди представителей этого поколения сложно ожидать, то беби-бумеры и молчаливое поколение демонстрируют относительно скромные темпы роста.

Для анализа динамики межпоколенческого цифрового разрыва была использована идея метода расстояния во времени, то есть было рассчитано в единицах времени, какое расстояние должны преодолеть поколения до достижения нормативного значения. В 2014-2018 гг. требовалось в среднем 4 года для поколения Z, 4 года для поколения X, 7 лет для поколения беби-бумеров и 6 лет для молчаливого поколения для того, чтобы достигнуть

уровня доступа к цифровым технологиям, который был характерен для поколения Y. Кроме того, при сохранении средних темпов роста количества пользователей Интернета среди поколений, уровень Интернет-пользователей поколения Y 2018 года будет достигнут поколением Z — в 2020 году; поколением X — в 2024 году (через 6 лет), поколением бэби-бумеров — в 2032 году (через 14 лет); молчаливым поколением — в 2047 году (через 29 лет). При этом, если по цифровому разрыву первого уровня нельзя сделать вывод об его увеличении или уменьшении на протяжении временного периода, то в отношении цифрового разрыва второго уровня прослеживается его рост для молчаливого поколения на протяжении 2013-2018 гг.

В заключении работы сделан вывод о необходимости учета увеличивающегося межпоколенческого цифрового разрыва первого и второго уровня между молчаливым и более молодыми поколениями. Кроме того, межпоколенческий цифровой разрыв третьего уровня, направленный на эмпирическое подтверждение различий в выгодах от использования цифровых технологий на межпоколенческом уровне, является областью перспективных исследований.

Настоящее исследование вносит вклад в научную литературу в части эмпирического обоснования применения поколенческого подхода к анализу цифрового разрыва в России, концептуального обоснования трех уровней межпоколенческого цифрового разрыва, анализа динамики межпоколенческого цифрового разрыва в России в 2012-2018 гг., обоснования детерминант использования Интернета индивидами в России.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00663.

Список литературы

- Башина О.Э., Васютина Е.С., Матраева Л.В. (2018). Трансформация экономической и трудовой модели поведения современной молодежи в условиях становления цифрового общества // Знание. Понимание. Умение, №3), 133-145.
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. (2019). Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН, 19(1), 108-120.
- Радаев В.В. (2019). Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Büchi M., Just N., Latzer M. (2016). Modeling the second-level digital divide: A five-country study of social differences in Internet use // New media & society, 18(11), 2703-2722.

Howe N., Strauss W. (1991). *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company.

Van Dijk J. (2005). *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*; Sage Publications: Thousand Oaks, CA, USA.

Vehovar V., Sicherl P., Hüsing T., Dolnicar V. (2006). Methodological challenges of digital divide measurements // *The information society*, 22(5), 279-290.

Внутренняя продовольственная помощь детям раннего возраста в регионах России

Недостаточное или неполноценное питание детей, особенно в первые 1000 дней (от зачатия до достижения двух лет), имеет долгосрочные негативные последствия: приводит к нарушениям развития детей и ухудшает состояние их здоровья, снижая их человеческий капитал в будущем [Глобальная стратегия... (2003), Victora et al. (2008)]. Сильнее всего на качестве питания детей сказываются состояние бедности семей, в которых они проживают, и различные виды социальной эксклюзии [The State of the World's Children... (2019), Мигунова, Садыков (2018)]. В то же время, по оценкам экспертов Всемирного банка, расходы государств на поддержку питания детей младшего возраста и их матерей имеют высокую эффективность: дисконтированная отдача от них превышает затраты [Nandi et al. (2017)].

В России дети раннего возраста являются одним из основных адресатов политики в сфере внутренней продовольственной помощи (ВПП), т.е. государственной помощи населению в форме предоставления продуктов питания или денежных средств для их приобретения с целью улучшения качества питания и повышения экономической доступности здорового питания¹. При этом федеральное законодательство задает лишь общее обязательство об оказании ВПП детям в возрасте до трех лет, а также беременным женщинам и кормящим матерям, тогда как все вопросы ее предоставления, включая условия и форму этой помощи, регулируются законодательством субъектов РФ².

В данной работе исследованы вопросы доступности ВПП для детей раннего возраста, в частности нормативный аспект обеспечения доступа к помощи, т.е. особенности нормативно-правового регулирования на региональном уровне, которые на него влияют. Особое внимание уделено вопросу о том, обусловлено ли оказание этой поддержки низким уровнем доходов семей с детьми или проявлением каких-либо форм социальной эксклюзии.

Исследование нормативного аспекта доступности проведено по материалам нормативных правовых актов (НПА) субъектов РФ по состоянию на октябрь 2019 г. Для оценки фактического доступа к ВПП детей этой категории, в том числе из семей с разным уровнем доходов, использованы данные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН) Росстата за 2017 г.

1 Распоряжение Правительства РФ от 03.07.2014 №1215-р «Об утверждении Концепции развития внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации».

2 Ст. 52 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Предшествующие исследования этой области социальной политики ограничиваются в основном рассмотрением нормативного поля, формируемого на федеральном уровне, либо анализом на уровне отдельных регионов РФ [Кучма, Величковский (2015), Фаррахов и др. (2013)]. В данной работе обобщены и систематизированы подходы к назначению и предоставлению ВПП детям раннего возраста во всех субъектах РФ. Выявлено, что все разнообразие региональных практик назначения такой поддержки можно описать четырьмя моделями, которые обуславливают различия в доступе к ней детей, проживающих в разных регионах.

В модели 1 (применяется в 30 субъектах РФ) помощь по обеспечению полноценным питанием детям раннего возраста предоставляется исключительно по медицинским показаниям, уровень доходов их семей не учитывается. Модель 2 применяется в 21 регионе и описывает категориальный подход, обеспечивающий наиболее широкий доступ детей к ВПП: единственный критерий назначения – возраст ребенка, а состояние его здоровья и уровень доходов семьи не важны. Модель 3 характеризует самый строгий отбор получателей: помощь назначается по медицинским показаниям и только детям из семей с низким уровнем дохода (13 регионов). Наконец, в модели 4 основанием для предоставления поддержки служит только низкий уровень дохода, независимо от медицинских показаний (48 регионов). Пороговое значение среднедушевого дохода семьи в абсолютном большинстве регионов, использующих этот критерий нуждаемости, установлено на уровне величины прожиточного минимума.

В одном субъекте РФ может применяться сразу несколько моделей, чаще всего дифференцировано по возрасту детей. Наиболее распространенный вариант – сочетание 1-й и 4-й моделей, когда поддержка предоставляется как детям, имеющим проблемы со здоровьем, так и детям из малоимущих семей.

Там, где это предусмотрено законодательством, спектр медицинских показаний, необходимых для предоставления ВПП, существенно варьируется от региона к региону. Только единичные регионы полностью придерживаются перечня показаний, рекомендованного Минздравом РФ³. Расширение или сужение этого списка (например, его ограничение только редкими заболеваниями) является важнейшим фактором, определяющим доступность данной поддержки для детей.

Данные ВНДН подтверждают, что особенности регионального законодательства обуславливают различия в охвате детей до трех лет поддержкой по обеспечению полноценным питанием. В субъектах РФ, реализующих модели 2 и 4, охват достигает 40-

3 Письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15.05.2006 №15-3/691-04 «Рекомендуемые наборы продуктов для питания беременных женщин, кормящих матерей и детей до 3-х лет».

70%, а самым незначительным охватом (0,5-5%) характеризуются регионы, в которых поддержка назначается только по медицинским показаниям или если категория детей-получателей сильно ограничена по возрасту.

Разные модели реализации МСП требуют различных объемов бюджетного финансирования: чем больше условий и ограничений действует при определении целевых групп, тем потенциально меньшие затраты требуются из региональных бюджетов. Однако связи между уровнем бюджетной обеспеченности субъектов РФ и затратностью моделей реализации ВПП для детей раннего возраста выявлено не было.

Низкий уровень доходов семьи далеко не всегда служит критерием предоставления поддержки, нацеленной на улучшение качества питания детей. В результате в среднем по стране дети раннего возраста как из малоимущих семей, так и из семей с относительно высокими доходами охвачены этой поддержкой примерно одинаково: по данным ВДН, охват в группах с разным уровнем дохода варьируется от 16,5% до 17,6%.

Еще одна важная характеристика, которая определяет простоту и гарантированность получения поддержки по обеспечению полноценным питанием, – это форма ее предоставления. В целом регионы отдают предпочтение натуральной форме обеспечения питанием детей раннего возраста. С одной стороны, это позволяет обеспечить максимально целевой характер предоставляемой поддержки, с другой – оборачивается для получателей отсутствием потребительского выбора, а также может быть сопряжено с рядом проблем, связанных с процедурами закупки или производства и распределения продуктов питания. Денежная форма предоставления лишена этих недостатков, что улучшает доступность поддержки для получателей. Однако невозможно гарантировать, что полученные средства будут использованы целевым образом на приобретение необходимых продуктов питания. Поэтому денежные выплаты и компенсации редко применяются, если мера по обеспечению полноценным питанием назначается по медицинским показаниям, и предпочтительнее в тех случаях, когда единственным основанием для предоставления поддержки служит низкий уровень дохода семьи.

На основе изучения регионального опыта регулирования ВПП детям раннего возраста в работе выделены нормативные практики, которые могут способствовать увеличению доступности помощи при сохранении ее целевого и адресного характера.

Список литературы

Глобальная стратегия по кормлению детей грудного и раннего возраста (2003). / Всемирная организация здравоохранения, ЮНИСЕФ.

Кучма В.Р., Величковский Б.Т. (2015). Развитие внутренней продовольственной помощи детям в Российской Федерации // Здравоохранение в Российской Федерации. № 4, 10-15.

Мигунова Ю.В., Садыков Р.М. (2018). Питание детей в современной российской семье: социально-экономический аспект // Вопросы питания. Т. 87, № 2, 103-107.

Фаррахов А.З., Туишев Р.И., Шавалиев Р.Ф., Садыков М.М. (2013). Организация питания детей раннего возраста в рамках оказания медико-социальной помощи детям // Вопросы современной педиатрии. Т. 12, № 6, 5-8.

Nandi A., Behrman J.R., Bhalotra S., Deolalikar A.B., Laxminarayan R. (2017). The Human Capital and Productivity Benefits of Early Childhood Nutritional Interventions // Bundy D.A.P., de Silva N., Horton S, Jamison D.T., Patton G.C. (eds): Child and Adolescent Health and Development. 3rd edition. Washington DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 385-402.

The State of the World's Children 2019: Children, food and nutrition (2019). / UNICEF.

Victora C.G., Adair L., Fall C., Hallal P.C., Martorell R., Richter L., Sachdev H.S. (2008). Maternal and child undernutrition: consequences for adult health and human capital // Lancet, 371(9609), 340-357.

СТАРЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Старение населения актуализирует несколько важных подпроблем. Это глобальность процесса старения, тревога по поводу «угроз/рисков старения», кризис адаптации социальных институтов и приоритетов социальной политики в стареющем обществе и возможные направления новой социальной политики.

1. Старение включает несколько глобальных процессов:

- изменение возрастной структуры населения в целом, характерное не только для развитых, но и для развивающихся стран;
- выраженное в разной степени снижение рождаемости;
- повышения средней продолжительности жизни благодаря снижению младенческой и детской смертности в менее развитых странах;
- удлинение периода дожития, здоровое старение в развитых странах;
- быстрое обновление технологий, особенно информационных, влекущее квалификационное отставание стареющего населения от молодых

Активное участие в дискуссии о судьбе «стареющего общества» принимают средства массовой информации (СМИ), поскольку в современном мире СМИ становятся посредником между объективной реальностью и ее восприятием. Именно так возник сюжет с «кризисом старения» примерно 20 лет назад, Озабоченность международных финансовых институтов (Котликофф и Бернс, 2005) поддержали медицина и другие институциональные системы, связанные с поддержкой пожилых. С нашей же точки зрения, это кризис, но глобальный системный кризис адаптации социальных институтов к новой возрастной структуре общества.

2. Понимание этого особенно актуально для России, где относительно молодое, по сравнению с развитыми странами, население. Причины:

- снизившаяся младенческая и детская смертность в 1992 – 2018 г.г. (например, с 2000 по 2018 г.г. младенческая смертность снизилась ровно втрое, с 15,3 на тысячу родившихся живыми до 5,1) (Детская и младенческая смертность, 2020).
- высокая неестественная смертность мужчин в трудоспособных возрастах;
- короткий период дожития у мужчин и существенно более длинный – разница около 12-13

лет, у женщин;

- гендерный дисбаланс занятости и пенсионной системы из-за разницы в пенсионном возрасте между мужчинами и женщинами в 5 лет и более длительном периоде дожития у женщин;

- значительный и растущий серый рынок труда/неформальная занятость/неформальная зарплата. Пенсия является трудовой только номинально.

3. Давно наблюдается чрезмерная озабоченность политиков демографическим старением и неадекватные меры социальной политики. А именно:

- акцент на развитии «системы длительного ухода», а не на увеличение продолжительности здоровой жизни в старших возрастах, слабое развитие реабилитационной медицины;

- непонимание того, что демографическое старение будет продолжаться, если смертность в старших возрастах «отодвинется», это «две стороны одной медали»

- повышение рождаемости требует адекватных вложений в образование детей и молодежи, иначе они не смогут вписаться в современный рынок труда и станут проблемой, а не решением проблемы.

Современное, институционально оформленное здравоохранение и в России, и за рубежом, заинтересовано в спросе пожилых на его услуги, поэтому часто поддерживает взгляд о неизбежности угасания в процессе старения. Технологии медицинского и социального обслуживания пожилых накопили инерцию восприятия пожилых как пассивных «объектов помощи». Но специфика здоровья пожилых, возможности и причины отодвигания старения изучены недостаточно, хотя очевидно, что скорость и время наступления старения в разных культурах разные (Rosa, 2018).

4. Социальная политика, ориентированная на продление возможностей образования - life long education - для пожилых и сохранения их занятости в модернизирующемся обществе пока не заняла соответствующего места, оказалась менее приоритетной задачей, чем развитие систем ухода. Но даже формальное сравнение количества работающих пожилых и тех, кто нуждается в длительном уходе, говорит в пользу того, что поддержка продления занятости очень важна. Сегодня изменяются представления о преимуществах разных моделей жизни в

старших возрастах и продолжения занятости за счет неполных, гибких, дистанционных форм, самозанятости, требующих, как минимум, владения информационными технологиями.

5. Предполагается, что разные варианты социального опыта жизни существенно влияют на характер старения, но этот аспект старения еще изучен мало. Зато присутствует избыточная нормативность в интерпретации демографических данных о старении. Если произойдет переход от демографической пирамиды к столбообразной» структуре, где убыль населения примерно до 100 лет минимально выражена, это и будет «общество для всех возрастов», т.е. минимальные потери людей во всех возрастах.

Подчеркнем, что существующие социальные институты и правила, регулирующие жизненный цикл человека и границы /переходы, становятся все менее важны, но за них цепляются уязвимые группы населения. В работах известных геронтологов В.Н. Анисимова и Г.М. Жаринова собран статистический материал, что высокий интеллект и творческие занятия прямо коррелируют с высокой продолжительностью жизни и долголетием (Анисимов и Жаринов, 2013). Если так, то «пенсионный возраст» лучше вообще отменить и подумать над новыми подходами к параметрам пенсионной системы. Ведь для многих продление взрослости ценностно предпочтительнее наступления старости. А неудачная СМИ-подготовка повышения пенсионного возраста не может быть помехой для этого.

6. Возможно, в России к плохому здоровью и преждевременной смертности приводят «короткая жизненная перспектива», слабый самоконтроль и нехватка личностных резервов

(Klabbers et al, 2014]. Убежденность человека в своей способности контролировать жизнь благоприятно сказывается на показателях физического здоровья, ведет к снижению рисков

смертности (Stamatakis et al, 2004). Люди старших возрастов с более высоким чувством контроля характеризуются более медленными темпами снижения способности к

самообслуживанию в повседневной жизни [Kempen et al, 2006).

7. В настоящее время продолжение пассивной социальной политики лечения и ухода в отношении пожилых бесперспективно. Это порождает жизнь в двух параллельных мирах: мире активных, работающих и квалифицированных пожилых, фактически – нестареющих

взрослых или зрелых людей, и мире больных, смилившихся с неизбежностью потерь, требующих постоянной помощи, на чьих нуждах играет СМИ. В мире новых пожилых нужны профилактика и восстановление здоровья; регулярное переобучение или повышение квалификации для как можно более длительной занятости и отмена верхней границы возраста трудоспособности. Все это возможно реализовать при информационной поддержке СМИ.

Формулирование перспективных целей для стареющего общества является сегодня важнейшей задачей обновления социальной политики, поскольку отсутствие задач на микро-и микро-уровнях приводит к тому, что молодые, не имея жизненной перспективы, тоже проигрывают.

Список литературы

Анисимов В.Н. и Г.М. Жаринов. (2013) Продолжительность жизни и долгожительство у представителей творческих профессий // Успехи геронтологии. 26(3), 405-416.

Детская и младенческая смертность. Статистика смертности по данным Росстат. <https://rosinfostat.ru/smernost/#i-2>. Доступ 27.11.2020.

Котликофф Л., Бернс С. (2005) Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М.: Альпина Бизнес Букс. 278 с.

Klabbers G., Bosma H., Kempen G.I., Benzeval M., Van den Akker M., van Eijk J.T. (2014) Do psychosocial profiles predict self-rated health, morbidity and mortality in late middle-aged and older people? // *Journal of Behavioral Medicine*. 37(3), 357-368.

Kempen G.I., Ranchor A.V., van Sonderen E., van Jaarsveld C.H., Sanderma R. Risk and protective factors of different functional trajectories in older persons: are these the same? // *The Journals of gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*. 2006. 61(2), 95-101.

Rosa H. (2018) *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press. – 512 p.

Stamatakis K.A., Lynch J., Everson S.A., et al. (2004) Self-esteem and Mortality: Prospective Evidence from a Population-based Study // *Annals of Epidemiology*. 14(1), 58-65.

Громов В.В., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва

Неиспользованные резервы НДФЛ как инструмента социальной политики государства

Одним из условий и одновременно способов проведения эффективной социальной политики является построение налоговой системы на принципах сбалансированного сочетания интересов налогоплательщиков и государства. Известно, что налоговая система обладает не только фискальной, но также социальной функцией, экономический смысл которой состоит в перераспределении налоговых доходов государства на цели социальной поддержки нуждающихся в ней граждан. Несмотря на разнообразие налогов, эта функция связана преимущественно с налогом на доходы физических лиц (НДФЛ), от правил взимания которого зависит уровень доходов и благосостояние населения. Поэтому, рассматривая социальную политику, нельзя не обращать внимания на налоговые аспекты ее реализации, фиксируемые в особенностях налоговой политики с учетом текущей экономической ситуации.

В том, что касается налогообложения личных доходов, для нас важны два обстоятельства: во-первых, наличие нерешенной проблемы бедности населения и, во-вторых, экономические последствия пандемии. По данным Росстата, доля малоимущего населения, т.е. с доходами ниже прожиточного минимума, на протяжении всех последних лет стабильно превышает 12% притом, что в третьем квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. реальные располагаемые денежные доходы граждан страны снизились на 4,8%. И если с позиции фискальной функции, измеряемой собираемостью НДФЛ, можно говорить об успехах налогового администрирования, то в части социальной функции, которая должна выражаться в максимально точной настройке налоговой нагрузки по уровню дохода, действующие нормы НК РФ имеют ряд существенных недостатков. Речь идет об отсутствии необлагаемого минимума доходов и слабом влиянии налоговых вычетов на прогрессивность НДФЛ, что в совокупности ведет к сужению его роли как инструмента социальной политики.

Переход к прогрессивной шкале на основе дополнительной ставки 15% с точки зрения малоимущего населения ничего не меняет. При повышенном налогообложении высоких доходов не вводится симметричный механизм снижения нагрузки для низкодходных групп населения. Однако, опираясь на категорию относительного налогового бремени, следует признать, что ценность дохода, отдаваемого государству в форме налога, определяется исходя из доли средств, которая уходит на оплату минимально необходимых для поддержания жизни и сохранения здоровья благ и услуг. Очевидно, что налогообложение дохода, который соответствует или даже ниже МРОТ, обременительнее, чем уплата налога со сверхвысоких доходов. Фактически изъятие налога, которое ведет к дефициту дохода, означает сокращение

минимальных социальных гарантий, ведь МРОТ – это денежная оценка потребительской корзины. Как следствие, при широкой бедности невозможность уменьшения налоговой базы в связи с низким доходом становится чувствительной для населения проблемой. И это, пожалуй, главный недостаток концептуальной основы взимания НДФЛ: платежеспособность налогоплательщика не является самостоятельным критерием для корректировки размера налоговых изъятий, и потому низкий доход не служит основанием для предоставления каких-либо налоговых послаблений. Размер дохода играет роль лишь как вспомогательный критерий при предоставлении налоговых вычетов на детей.

Наличие разнообразных налоговых вычетов рассматривается как некая альтернатива необлагаемого минимума и пониженных ставок, ведь согласно теории налогообложения прогрессивным может быть даже плоский подоходный налог, если его дизайн сочетается с различными налоговыми вычетами и освобождениями. Если обратиться к НК РФ, то в самом деле обнаруживается целая линейка налоговых вычетов, открывающих возможности уменьшения налоговой базы. Но их вклад в прогрессивность НДФЛ невелик в силу нескольких причин:

1) только часть вычетов предоставляется в качестве налоговых послаблений и связана с социальной функцией налога. К ним относятся стандартные, социальные и имущественные налоговые вычеты при приобретении и строительстве жилья. Остальные вычеты, как правило, встроены в особый порядок определения налогооблагаемых доходов;

2) многие вычеты предоставляются в сумме расходов, т.е. в неявном виде имеют одним из своих условий наличие дохода, выходящего далеко за рамки прожиточного минимума, и являются преимуществом состоятельных граждан;

3) инвестиционные вычеты по операциям с ценными бумагами и на инвестиционных счетах несут риски регрессивного налогообложения;

4) среди вычетов, которые связаны с целями социальной поддержки, только стандартные налоговые вычеты могут применяться на регулярной основе, так как правомерность их использования определена социальным статусом физического лица; остальные вычеты не направлены на оказание систематической поддержки;

5) стандартные вычеты, по нашим расчетам, охватывают менее 30% населения, занятого на работе по найму, причем эта доля приходится главным образом на вычеты, которые можно получить при наличии одного или нескольких детей;

6) вычет на ребенка не может подменить собой вычет низкого дохода. Хотя малоимущими зачастую являются именно семьи с детьми, в налоговом законодательстве эта ситуация интерпретирована некорректно. Лично для себя малоимущий налогоплательщик не получает никаких налоговых преимуществ, а вычет на ребенка использует, сначала уплатив

налог со своего низкого дохода, тогда как бедность и наличие ребенка – это разные основания для уменьшения налоговой базы. При этом полное освобождение дохода на уровне МРОТ достигается лишь при наличии у налогоплательщика не менее пяти детей или ребенка-инвалида.

Объединяющей все налоговые вычеты проблемой является отсутствие механизма их автоматической индексации. Так, вычеты для ветеранов, инвалидов и иных лиц, находящихся под социальной защитой государства, не менялись с 2001 г., хотя прожиточный минимум увеличился с тех пор в 8 раз. Инфляционное обесценение вычетов, ведущее к их отставанию от текущих цен, косвенным образом увеличивает налоговую нагрузку, нарушая баланс между фискальной и социальной функциями налога.

Перечисленные пробелы социальной составляющей НДФЛ указывают на то, что его регулирующий потенциал используется не полностью, и существуют резервы, которые могут быть задействованы хотя бы для некоторого улучшения материального положения граждан. Установление необлагаемого минимума не ниже 1 МРОТ и актуализация предельного размера налоговых вычетов представляют собой наиболее востребованные пути совершенствования налога по пути формирования не только фискальной, но и социальной налоговой прогрессии. Причем эти шаги налоговой политики важны не только для корректировки структурных изъянов подоходного налогообложения, но и в качестве дополнительного механизма поддержки населения в пакете антикризисных мер.

Вместе с тем движение этими путями определяется не только желаемой моделью налоговой системы, но и соотношением бюджетных возможностей и ограничений. В этом отношении необлагаемый минимум отражает долгосрочную повестку деятельности государства, что вызвано сложностями в перераспределении налоговой нагрузки из-за отсутствия среднего класса и ввиду огромных масштабов теневой экономики, в которой государство теряет значительную долю налоговой базы. В частности, установление традиционной прогрессивной шкалы с нулевой налоговой ставкой может быть сопоставимо с потерей государством поступлений отдельных налогов. Но тем важнее становится развитие адресных налоговых вычетов в кратко- и среднесрочной перспективе.

Факторы субъективного благополучия старшего поколения в России

В течение последних десятилетий субъективное благополучие людей является предметом многочисленных исследований: разрабатываются теоретические модели и эмпирические измерения, описываются и сравниваются уровни благополучия различных групп населения и предлагаются меры по его повышению.

Обзор работ последних лет, обобщающий результаты предшествующих исследований по теме субъективного благополучия старшего поколения (Elosua 2014; Fernández-Ballesteros 2011; George 2010; Kolosnitsyna et al. 2017; Noll 2007; Ulloa et al. 2013) показал, что факторы субъективного благополучия в пожилом возрасте очень разнообразны. В число основных факторов входят социально-демографические характеристики (возраст, пол, семейное положение, место жительства), человеческий капитал (здравоохранение, образование), экономическая и социальная активность, макроэкономические характеристики (политический режим, экономический рост, экология).

Данное исследование посвящено изучению субъективного благополучия старшего поколения в России. Мы предполагаем, что для людей старшего возраста оно не ограничивается финансовым положением, так как по субъективным оценкам пожилые россияне чаще сталкиваются с финансовыми проблемами (Мареева 2018; Слободенюк 2019), в то время как общая удовлетворенность жизнью возрастает (Вестник Российского мониторинга 2018).

Представленные в рамках настоящего исследования результаты получены при анализе данных фокус-групп с женщинами и мужчинами предпенсионных и пенсионных возрастов на тему: «Тестирование мер государственной политики. Пенсии, активное долголетие». Фокус-групповые дискуссии (ФГД) были проведены в 4 городах – Москве, Нижнем Новгороде, Краснодаре, Ярославле (в совокупности - 15 фокус-групп по 6 человек в каждой).

Результаты исследования показали, что **здоровье**, в том числе **ментальное**, является неотъемлемым элементом благополучной старости: *«Прежде всего – здоровье, позитив»*. (мужчина, 46-55, Краснодар). Доступность качественных медицинских услуг расценивается как необходимое условие для поддержания хорошего здоровья в старшем возрасте.

Для участников фокус-групп благополучная старость неразрывно связано с активным образом жизни. Старшее поколение осознает, что **физическая активность** является

ключевым фактором хорошего здоровья и основным источником долголетия. «*«Все равно буду фитнесом заниматься, пока буду ползать, буду заниматься»*» (женщина, пенсионер, Москва). «*Движение– это жизнь. Буду стараться двигаться: чем больше, тем лучше*» (мужчина, 46-55, Ярославль). Положительные примеры активных друзей и родственников мотивация для старшего поколения к занятию спортом и поддержанию себя в хорошей физической форме: «*Муж у меня спортивный, не дает расслабиться*» (женщина, 46-55 лет, Нижний Новгород).

Трудовую активность граждане старшего поколения также рассматривают как важную часть своей благополучной жизни в пенсионном возрасте. Намерение продолжать работать после выхода на пенсию часто объясняется необходимостью поддерживать привычный образ жизни (связь между их занятостью и благосостоянием) и отмечается наличием эмоциональной привязанности к работе. Доход не является единственной причиной для продолжения профессиональной деятельности. Работа позволяет им быть в хорошей форме, так как они могут общаться с людьми и совершенствовать свои навыки. «*Когда работаешь – живешь, на работе интереснее*» (женщина, пенсионерка, Нижний Новгород). «*Я бы и в старости занимался работой, работа – это интересно*» (мужчина, 46-55 лет, Краснодар).

Аудитория ждет, что пенсия должна быть бессрочным комфортным «отпуском», жизнь пенсионера должна быть даже более комфортной, чем до выхода на пенсию. В рамках этих ожиданий аудитория постоянно воспроизводит образ «европейского пенсионера», **активно путешествующего**, у которого есть время и возможности увидеть мир, расслабиться и насладиться жизнью. «*Хотелось бы, как иностранцы, ездят, смотрят мир*» (мужчина, 46-55 лет, Ярославль). «*Моя мама любит путешествовать, ей 76 лет, она ждет Египет, она очень его любит, неоднократно бывает... Для нее это свет в окошечке*» (женщина, 46-55 лет, ВО. Краснодар).

Люди также принимают во внимание важность **финансового положения**, в т. ч. после выхода на пенсию. «*Быть успешной в жизни. Больше зарабатывать, чтобы стимулировать свою нормальную жизнь*» (женщина, 46-55 лет, без ВО. Москва). «*Иметь доход стабильный независимо от работы. Четкого плана нет, но желание есть*» (мужчина, 46-55 лет, Ярославль).

Большинство россиян старшего возраста не представляют свою благополучную старость без внуков. **Общение с внуками** доставляет огромную радость старшему поколению:

«Дети – это наша радость, такие ласковые, прямо растаешь... Кричит на весь двор, бабуля, я тебя люблю» (женщина, пенсионер. Краснодар). Однако регулярный уход за внуками и другие обязанности могут расцениваться пожилыми людьми как утомительные и тяжелые: *«Практически каждый день возжу куда-то внуку, это требует постоянных нагрузок»* (женщина, пенсионер. Москва).

Участники фокус-группы также подчеркивают, что им важно чувствовать **принадлежность к обществу, собственную ценность, иметь уважение со стороны социума**: *«...меня очень уважают [на работе], зовут сдавать отчеты»* (женщина, пенсионер, Москва). Фокус-группы показывают, что **свободное время**, которое пожилые люди могут посвятить самореализации и увлечениям, является важным фактором для субъективного благополучия. *«Хочу заниматься тем, чем хочу, а не тем, чем надо. Хобби, увлечения, а не зарабатывание денег. Не День сурка»* (женщина, 46-55, Ярославль).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что портрет благополучной старости в России выглядит следующим образом: здоровый, энергичный, физически и экономически активный, обеспеченный, путешествующий по всему миру, с массой увлечений и хобби, признанный в обществе, имеющий хорошие отношения со своей семьей, любящий своих внуков и заботящийся о них. Социально-экономические факторы субъективного благополучия россиян в старшем возрасте никогда не являются отдельно стоящими, практически всегда они идут в связке с социально-психологическими факторами.

Список литературы

Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) (2018). Вып.: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. – Электрон. текст. дан. (объем 10 Мб). М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».

Мареева С. В. (2018). Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, т. 18, № 4, 695-707.

Слободенюк Е. Д. (2019). Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике. Социологическая наука и социальная практика, т. 4, 26-38.

Elosua, P. (2014). Dimensions and Values of Elderly People, in: Quality of Life // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research, 1628-1631.

Fernández-Ballesteros, R. (2011). Quality of life in old age: Problematic issues // *Applied Research in Quality of Life* 6, 21–40.

George L.K. (2010). Still happy after all these years: research frontiers on subjective well-being in later life // *Journal of Gerontology: Social Sciences* 65 (3), 331–339.

Kolosnitsyna, M., Khorkina, N., Dorzhiev, H. (2017). Determinants of Life Satisfaction in Older Russians // *Ageing International* 42(3), 354-373.

Noll, H. H. (2007). Monitoring the quality of life of the elderly in European Societies. A social indicators approach. Mainstreaming ageing. Indicators to monitor sustainable policies. England: Ashgate.

Ulloa, B. F. L., Moller, V., Sousa-Poza, A. (2013). How does subjective well-being evolve with age? A literature review // *Journal of Population Ageing*, 6(3), pp. 227-246.

В.А. Маланина

Томский политехнический университет

Е.А. Фролова

Томский государственный университет

Бедность среди пожилых людей в России: потенциальные предикторы

Борьба с бедностью является актуальной проблемой для международного сообщества и национальных государств. Общепризнанным является прогресс в сокращении крайней бедности (extreme poverty) и относительной бедности в развитых странах. Масштабы бедности сокращаются в странах, готовых инвестировать во всеобщее образование, иммунизацию населения, доступность медицинских услуг, особенно на ранних этапах жизненной траектории. Семьи с детьми и молодежь 16-24 лет являются наиболее бедными социальными группами. Со временем отдача от образования и здоровья позволит индивиду улучшить финансовое положение и к старости сформировать активы, которые позволят компенсировать отсутствие текущего дохода.

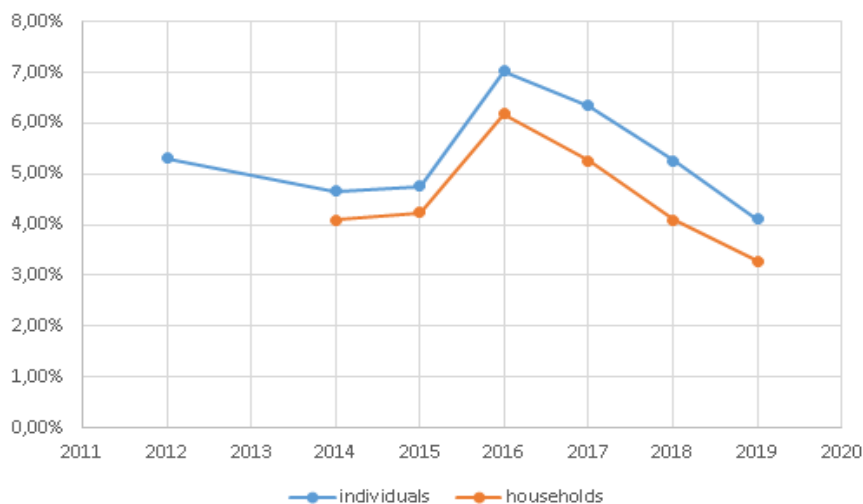
Феномен бедности среди пожилых людей имеет свою специфику. Нехватка ресурсов в старших возрастах является следствием неблагоприятных событий и решений, принятых индивидом в течение жизни (life course theory). Бедность среди пожилых возникает, когда превентивные меры не срабатывают или оказываются недостаточными. Концепция образования в течение жизни находит практическое применение в отношении граждан старших возрастов, являясь одним из индикаторов процесса активного долголетия. Однако, новые навыки чаще получают пожилыми людьми не с целью повышения своей конкурентоспособности на рынке труда, а для “себя”, для повышения

качества жизни. Занятость для пожилых не может носить вынужденный характер и рассматриваться как обязательное условие преодоления бедности.

Базовыми институтами профилактики бедности среди пожилых становятся пенсионные системы и системы медицинской помощи, имеющие всеобщий, неисключающий характер. В России они внедрены давно, и обеспечивают пожилым людям базовый объем медицинской помощи по ОМС и минимальные пенсионные выплаты, даже при отсутствии трудового стажа. Однако, неустойчивость дизайна пенсионной системы в последние три десятилетия не позволила дифференцировать размеры пенсий в зависимости от стажа работы и заработной платы; а пенсии, существенно превышающие прожиточный минимум пенсионера, получают только работавшие на севере и пенсионеры силовых структур.

Абсолютной бедности среди пожилых людей в России формально существовать не должно в связи с обязательными доплатами до прожиточного регионального минимума, если назначенные пенсионные выплаты ниже последнего. Однако, социологические обследования даже по абсолютным показателям выявляют малоимущих среди лиц старших возрастов.

Рис. 1. Уровень бедности среди пожилых людей и домохозяйств, главами которых являются пожилые люди

ВНДН, 2012-2019

Данные КОУЖ по доле малоимущих среди пожилых дают 11% в 2016 и 7,21% в 2018 годах. Среди малоимущих преобладают женщины (более 60%), малоимущих среди деревенских жителей больше, чем среди горожан (45% против 32%). Невысокий уровень бедности по доходам объясняется неадекватностью прожиточного минимума и возможностью региональных властей определять низкий официальный прожиточный минимум. Для немалоимущего и малоимущего населения наличие работы не является определяющим, примерно половина тех и других имеют работу, разница в доходах формируется исходя из “качества” работы и разного уровня квалификации. По источникам пассивных доходов в виде пенсий и сдачи имущества в аренду обе группы идентичны, но малоимущие почти в 3 раза чаще отмечают плохое состояние жилья.

Бедность как недостаток дохода может быть измерена относительно через “отсутствие риска бедности” (по poverty risk), рассчитываемый как доля пожилых людей с уровнем доходов не ниже с 60% от медианного национального дохода. Согласно КОУЖ, в 2018 г. доля пожилых людей старше 55 лет, имевших доходы ниже данного уровня, составила чуть более 6%; однако среди пожилых граждан старше 65 лет (международная методика оценки с учетом более высоких пенсионных возрастов) доля возрастает до 17,5%. Для старших возрастов по мере ухудшения здоровья и более вероятного прекращения трудовой деятельности риски возрастают. Ниже представлены региональные показатели абсолютной (доля малоимущих граждан среди пожилых) и относительной (доля пожилых с доходами ниже 60% национальной медианы) бедности.

Табл. 1. Абсолютная и относительная бедность по макрорегионам

Федеральный округ	абсолютная бедность	относительная бедность
Северо-Кавказский ФО	16,02%	14,13%
Дальневосточный ФО	10,91%	5,13%
Сибирский ФО	10,84%	7,82%
Уральский ФО	8,65%	4,93%
Приволжский ФО	8,33%	8,30%
Южный ФО	7,88%	5,67%
Юго-Западный ФО	7,80%	3,27%
Центральный ФО	4,57%	3,42%

КОУЖ, 2018

Иногда наблюдается существенная разница между абсолютными и относительными показателями. Несмотря на методологические недостатки абсолютных показателей и возможности регионов замораживать прожиточный минимум, относительные показатели часто дают более оптимистичную картину. Показатель абсолютной бедности, привязанный к региональному прожиточному минимуму, дает более точную оценку, чем относительный показатель, привязанный к национальной медиане. Абсолютный показатель характеризует уровень дохода локально, в конкретном региональном контексте, относительный показатель для России занижает число бедных среди пожилых и нивелирует значимость проблемы.

Субъективную бедность (по расходам) можно оценить через достаточность дохода для покрытия необходимых расходов - степени депривации. В КОУЖ вопрос задается домохозяйствам: “Принимая во внимание доходы всех членов домохозяйства, получается ли у Вашего домохозяйства "свести концы с концами"?” В КОУЖ-2018 и ВНДН-2012-2016, 2018-2019 отсутствуют ответы респондентов на вопрос о возможности “свести концы с концами” и сумме, позволяющей оплатить необходимые расходы. Затруднения и большие затруднения испытывают в РФ около 52% пожилых - как монетарно бедных, так нет.

Оценки бедности по доходам и расходам необязательно должны совпадать, даже если прожиточный минимум будет близок к относительной черте бедности. Обстоятельства могут требовать высоких расходов на лечение, ремонт, реабилитацию, что и при абсолютных доходах выше ПМ ведет к разрыву между монетарной и субъективной бедностью. Субъективная бедность более точно оценивает степень достаточности доходов с учетом жизненной ситуации в домохозяйстве.

Табл. 2. Корреляции дохода и социально-экономических параметров для пожилых людей

	Коэффициент корреляции	легко сводят концы с концами	стипендиальное в сельской	женщины	желаемый доход	наличие дополнительной	статус малоимущего	количество членов
доход	Р _о Спирмена	,341**	-,172**	-,274**	,623**	,253**	-,102**	,618**
	Знач.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
	N	67437	67437	67437	67437	65605	67437	67437

ВНДН, 2017

Результаты исследования выявили различия в оценках бедности по доходам и по расходам среди российских пожилых людей составляют 8-10 раз. Выявлена положительная корреляция между доходом пожилых и количеством членов семьи, что ставит под вопрос идею о необходимости большей автономии пожилых людей с позиции преодоления бедности. Совместное проживание с супругом, детьми оказывается значимым для сокращения монетарной бедности в старших возрастах. В трудоспособном возрасте количество иждивенцев увеличивает риск бедности, но пожилые люди часто сами переходят в роль иждивенцев-бенефициаров. Для

текущего поколения пожилых личностные стратегии оказываются эффективнее институциональных.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00282)

Список литературы:

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя.
Аналитический доклад, 2013

https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Bednost/full.pdf

Выборочное наблюдение доходов населения (ВНДН-2017)

https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html

Комплексное наблюдение условий жизни населения. (КОУЖ-2018)

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

Неравенство и бедность / Федеральная служба государственной статистики

<https://www.gks.ru/folder/13723>

Монетарное неравенство в России в социологическом измерении

Доклад посвящен особенностям конфигурации доходного неравенства в современном российском обществе и тенденциям его изменений в постсоветский период развития страны. Эмпирической базой выступают данные официальной статистики ФСГС РФ, оценки международных исследовательских центров, а также результаты социологических исследований.

Монетарное неравенство, на первый взгляд, проще для измерения и оценки, чем различные типы немонетарных неравенств, которые в совокупности формируют социальное пространство. Однако разные теоретико-методологические подходы, через которые оно может быть рассмотрено, демонстрируют разные его аспекты. Так, традиционные экономические показатели неравенства доходов (децильный коэффициент, индекс Джини и др.) позиционируют Россию на фоне других стран мира как характеризующуюся высокими, но не максимальными показателями неравенства в массовых слоях населения. По сравнению с европейскими странами, Россия характеризуется более высоким уровнем неравенства, в то время как по сравнению со странами БРИКС – более низким. При использовании шкал эквивалентности, которые позволяют учесть экономию на масштабе потребления, позиционирование России даже на фоне европейских стран заметно улучшается (отметим, однако, что вопрос адекватности различных версий шкал эквивалентности для российских условий – вопрос для отдельной дискуссии).

Если говорить о неравенстве в нижней части доходного распределения, то оно в 2000-е гг. сокращалось, т.к. численность бедных в целом демонстрировала тенденцию к снижению, а доходы низкодоходного населения росли быстрее, чем доходы россиян в целом. Эти тенденции привели к тому, что российское общество трансформировалось из общества массовой бедности в общество массовых средних групп. И хотя уровень их жизни остается достаточно скромным, он все же заметно превышает стандарт физического выживания: можно говорить о массовой малообеспеченности россиян, но не о массовом их обеднении в последние годы.

В полярной части доходного распределения, наоборот, наблюдался значительный и несокращающийся отрыв между «верхушкой», по концентрации доходов и богатства в руках которой Россия является одним из мировых лидеров, и остальным массовым населением.

Что же касается середины распределения, то динамика модели доходной стратификации характеризовалась в эти годы значительным ростом численности групп с

медианными и средними доходами. Увеличение их численности происходило как за счет подтягивания части низкодходных слоев к середине (что проявилось, в том числе, в заметном снижении уровня бедности в 2000-е гг.), так и за счет «усреднения» уровня доходов более благополучных слоев.

Представляется, что подобные тенденции должны были бы снижать социальную напряженность, поскольку неравенство является одной из наиболее острых социальных проблем в общественном сознании. Однако на практике проблема неравенства не теряет своей остроты, оставаясь ключевой «болевой точкой» нынешнего развития страны. Оценка существующего в России неравенства доходов как излишне глубокого и в высшей степени несправедливого характерна сегодня для всех без исключения слоев населения, никакого ценностного раскола между более и менее благополучными группами в этом отношении не наблюдается. Это связано с целым рядом причин. Ключевые из них: нелегитимность оснований монетарного неравенства в глазах населения; острое восприятие россиянами растущего «отрыва» немногочисленной «верхушки», а не масштабов неравенства между массовыми группами населения; несоответствие тенденций выравнивания доходов в массовых слоях населения и сокращения высокодходной группы запросам наиболее образованных и квалифицированных россиян; острое восприятие не только монетарного неравенства, но и его немонетарных измерений.

Даже представители благополучных социальных групп, в частности - среднего класса (объединяющего в себе наиболее образованных и квалифицированных россиян с доходами не ниже медианных), отличаясь от остальных групп населения своим объективным положением, считают себя представителями «середины», а отнюдь не благополучных слоев. Поэтому, говоря о неравенстве, они подразумевают не разрыв между своими позициями и позициями остальных массовых групп населения, а значительный и растущий отрыв малочисленной верхушки от всех остальных россиян, к которым относятся и они сами. Это отражается и в специфике восприятия населением (как в целом, так и представителями его благополучных групп) социальных конфликтов в современном российском обществе, ключевым из которых считается конфликт между бедными и богатыми. В отличие от этого остро воспринимаемого противостояния между массово бедными и единицами богатых, воспринимаемых как особый «класс», противостоящий всем остальным россиянам, остальные конфликты, в том числе традиционные измерения классового неравенства – конфликты между «начальством» и рядовыми работниками, а также рабочим и средним классом - актуализированы гораздо в меньшей степени.

В этих условиях особенно важным является понимание необходимости формирования нового общественного договора между обществом и властью, которое пока отсутствует как среди населения, так и во властных элитах. Вопросов, на которые предстоит ответить при определении позиций этого договора в отношении проблемы неравенств, достаточно много, и среди них важное значение имеет вопрос о том, с неравенством между какими группами и какими методами предполагается бороться: идет ли речь только о поддержании наиболее бедных, о сглаживании неравенств в срединных слоях населения или о сокращении отрыва верхушки от основной массы россиян. Ответы на этот вопрос (и даже его постановка) пока не звучат в социально-политической повестке дня, однако без его решения не может быть эффективно реализован ответ на серьезный вызов неравенства.

Меньших Д.А.

АО «Газпромбанк»

г.Москва

«Динамический подход при анализе бедности в России: влияние новых антикризисных мер на уровень хронической и переходной бедности»

При анализе российской бедности и при формулировании мер экономической политики, направленной на снижение уровня бедности, важно проводить разделение между хронической бедностью и переходной бедностью, где под хронической или устойчивой бедностью понимается явление, когда наблюдаемый уровень доходов или потребления индивидов, групп индивидов, домашних хозяйств или населения страны в целом находится ниже установленной черты бедности постоянно, или в среднем за исследуемый период. Формирование хронической бедности связано с функционированием механизмов, способствующих закреплению бедности, - то есть с существованием так называемых «ловушек бедности». Причины бедности хронически бедного населения – структурные. Переходно бедное население можно назвать уязвимым к бедности или потенциально бедным.

Анализ панельных данных по домашним хозяйствам за период 2013-2018 гг. (данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)) позволил выявить в России три группы домашних хозяйств: хронически бедных, переходно бедных и относительно богатых домашних хозяйств. Хронически и переходно бедные домашние хозяйства выделялись по методологии Baulch, McCulloch (2002) и Jalan, Ravallion (2000), когда хронически бедным считалось домашнее хозяйство, у которого средний доход за период оказывался ниже среднего за период прожиточного минимума. Доля хронически бедных домашних хозяйств в России в 2013-2018 гг. в общей численности домашних хозяйств по данным РМЭЗ составила 9%. Доля переходно бедных домашних хозяйств - 22%. Был получен вывод о том, что несмотря на то, что официальный уровень бедности в 2013-2018 гг. снижался, эта динамика была обусловлена сокращением переходной, а не хронической бедности. Бедность хронически бедных домашних хозяйств, напротив, углублялась, т.е. ядро бедности оставалось устойчивым.

Были построены эмпирические матрицы переходных вероятностей между доходными группами для хронически бедных, переходно бедных и относительно богатых домашних хозяйств. Группа переходно бедного населения заметно отличается от группы

хронически бедного. Вероятность выхода из состояния бедности для переходного бедного домашнего хозяйства при попадании в группу с доходами ниже 0,5 ПМ составляет 73,7% (для хронически бедного населения – 9%). Вероятность выхода из состояния бедности для переходного бедного домашнего хозяйства при попадании в группу с доходами 0,5 до 1 ПМ составляет около 70% (для хронически бедного населения – 15%). Хронически бедные домашние хозяйства находятся в бедности по причине существования самоподдерживающегося механизма ловушки бедности, их бедность глубокая и устойчивая. Группа переходного бедного населения отличается тем, что может оказаться в бедности на непродолжительный промежуток времени по причине отрицательного шока доходов, однако этот шок не приведет к устойчивой бедности. С большой вероятностью домашнее хозяйство сможет выйти из состава бедного населения уже в следующем периоде.

Было проанализировано доходное распределение для трех групп домашних хозяйств (хронически бедного, переходного бедного и никогда не бедного) в динамике путем умножения эмпирической матрицы переходных вероятностей на текущее доходное распределение, чтобы выявить основные тенденции в динамике доходов данных групп. На основании эмпирически полученных матриц переходных вероятностей был сделан вывод о наличии на уровне домашних хозяйств явления клубной конвергенции с клубами хронически бедных домашних хозяйств и относительно богатых домашних хозяйств. Разрыв между клубами увеличивается, а внутри каждого клуба сокращается. При этом динамика распределения доходов на текущий момент такова, что переходные бедные домашние хозяйства отдаляются от относительно богатых домашних хозяйств (Рисунок 1).

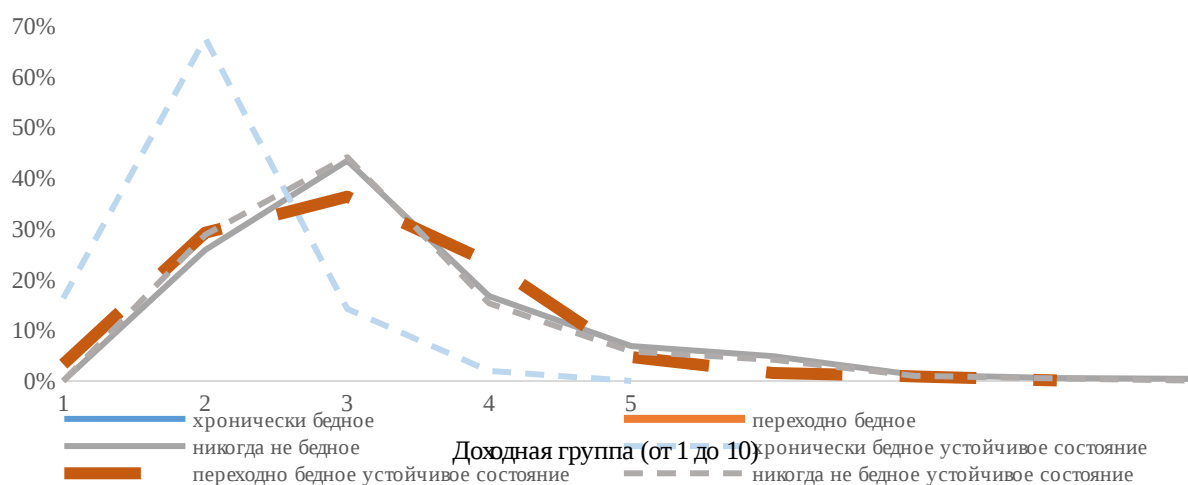

Рис.1 Плотности распределения доходов хронически бедного, переходного бедного, никогда не бедного населения

Источник: Составлено автором по данным РМЭЗ

Наличие хронической бедности в России является серьезным препятствием для реализации цели по сокращению уровня бедности к 2030 г. в два раза, т.к. необходима переориентация экономической политики на преодоление механизмов, способствующих формированию хронической бедности.

Объявленные из-за коронавируса дополнительные трансферты населению в 2020 г. составят около 750 млрд руб. и около 300 млрд руб. в 2021 г. Учитывая тот факт, что в 2020 г. в Послании Федеральному собранию также было объявлено о росте трансфертов населению, текущую антикризисную политику государства можно считать беспрецедентной в плане широты предоставляемых населению трансфертов. В результате объявленных мер поддержки экономики прирост трансфертов населению составит около 1 трлн руб. ежегодно (Рисунок 2)

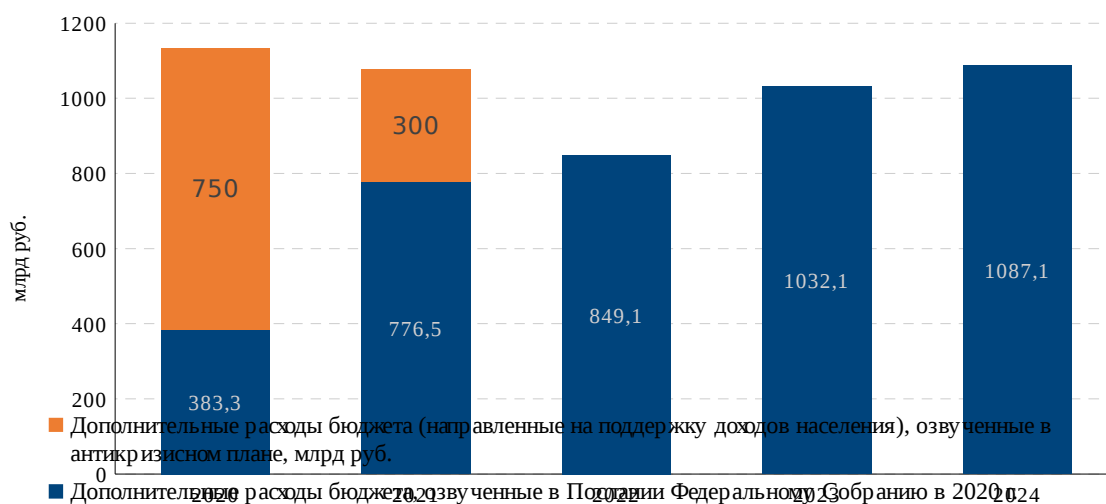

Рис.2 Объем трансфертов населению в 2020-2024 гг.

Источник: Составлено автором

Около 80% от объема всех объявленных мер будут направлены домашним хозяйствам с детьми, т.к. около 70% детей проживают в домашних хозяйствах из первых четырех децильных доходных групп, то можно говорить о том, что большая доля из выделенных средств будет направлена в бедные домашние хозяйства.

Интересно посмотреть, какой потенциальный эффект объявленные меры будут иметь на уровень хронической бедности и переходной бедности. Покрытыми новыми мерами поддержки (единоразовыми выплатами семьям с детьми до 3х лет и от 3х от 16 лет, а также новым социальным пособием детям от 3х до 7 лет) окажутся 54% хронически бедных домашних хозяйств и 30% переходно бедных домашних хозяйств. При этом

бессрочное социальное пособие детям от 3х до 7 лет в размере 5500 руб. в 2020 г. и 11000 начиная с 2021 г. (которое будет иметь долгосрочный эффект на уровень бедности) получают около 40% хронически бедных домашних хозяйств и только около 18% переходно бедных домашних хозяйств. Учитывая, что средний дефицит дохода хронически бедных домашних хозяйств исходя из данных РМЭЗ составляет около 6000 руб. можно предположить, что проводимая социальная политика приведет к долгосрочному сокращению уровня хронической бедности в России примерно на 3-4 п.п.

Однако, как было отмечено ранее, причины существования хронической бедности – структурные. Проводимая социальная политика, хотя и приведет к сокращению ядра бедного населения, но это сокращение будет чисто статистическим, в то время как ловушки бедности продолжают функционировать.

Список литературы:

- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. (2005). Бедность в современной России: измерение и анализ // Экономическая наука современной России, № 1, 93-106.
- Слободенюк Е. Д. (2019). Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика, Т 7, № 4, 148-160.
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. (2014). Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность, № 1, 36–49.
- Тихонова Н. Е. (2014). Феномен бедности в современной России // Социологические исследования, № 1, 7-19.
- Baulch, B., McCulloch, N. (2002). Being Poor and Becoming Poor: Poverty Status and Poverty Transitions in Rural Pakistan // Journal of Asian and African Studies, Vol.37, № 2, 168–185.
- Jalan, J., Ravallion, M. (2000). Is transient poverty different? Evidence for rural China // Journal of Development Studies, Vol.36, № 6, 82–99.

Российское социальное государство и проблемы национальной безопасности

Конституцией Российской Федерации в одной из первых статей страна провозглашается социальным государством. И само это провозглашение, и расшифровка его смысла вполне соответствуют массовым представлениям о характере такого государства, сложившимся к концу существования советской системы, когда люди крайне устали от существования в рамках иерархической системы распределения и жаждали восстановления сложившегося в массовом сознании представления о социальной справедливости. Но уже в такой трактовке справедливости, слитой с представлениями о равном доступе к благам, которые призвано предоставлять государство, были заложены истоки противоречивости и трактовки, и самого бытия понятия «социальное государство» в постсоветской России. С одной стороны, массовое сознание (особенно после эксцессов быстрой приватизации) не только не противилось, но даже приветствовало процессы нового огосударствления средств производства (прежде всего, прямое, но и опосредованное собственниками – приближенными к органам власти, выдвигая в то же время к ним требования по обеспечению провозглашенных социальных функций). Но с другой стороны, в современных условиях, когда социальные функции развитого общества существенно расширились, государство, стремящееся взять именно на себя все больше и больше таких функций, одновременно блокируя возможности частной инициативы (особенно неподконтрольной ему), оказывается не способным их качественно выполнять, несмотря на огромный объем подконтрольных ему ресурсов.

В результате к настоящему времени мы имеем не современное социальное государство, а государство патерналистское, причем

сконцентрированное на архаичных формах патернализма и пренебрегающее теми известными в мировой практике формами, которые рождались в течение десятилетий в странах с развитой либеральной экономикой. В то же время, особенно с началом XXI в., именно способ строительства новой, постсоветской, государственности по сути своей соответствует привычным для страны институциональным конструкциям, сутью которых является связка систем собственности и власти. Причем институты собственности оказываются в прямом или косвенном подчинении властным институтам. Эта конструкция свойственна сегодня многим государствам. Но развитые страны, о которых обычно говорят как о государствах социальных с развитой системой рыночного хозяйства в ходе многовековой эволюции смогли разорвать связку власти и собственности. Это, в частности, открыло для них возможности быстрого экономического развития, обеспечившего благосостояние не только высших слоев, но и широких народных масс.

XX в. дал не один пример удачной эволюции традиционных институтов в институты социального рыночного хозяйства. Практика же концентрации ресурсов под государственным контролем, как показывает опыт того же XX в., оказывалась способной обеспечить развитие лишь ограниченного числа избранных властями сфер экономики, но за счет других сфер, как правило, связанных с обеспечением «всестороннего развития» личности, ее благосостоянием. То есть конституционное провозглашение России социальным государством входило в противоречие с привычными для страны институциональными конструкциями связки власти и собственности, а также с интересами «промежуточных выгодоприобретателей» – лиц во власти или около нее по тем или иным причинам оказавшихся на первых этапах реформ в привилегированном положении и стремящихся это положение удержать (Hellman, 1998).

Этот внутренний разрыв между провозглашенными Конституцией РФ принципами и реальностью закономерен, так как вырастает из

несоответствия отечественных традиций тем принципам, которыми, например, руководствовались идеологи и строители послевоенного немецкого «экономического чуда» – социального рыночного хозяйства. Так, А.Мюллер-Армак писал, что в противостоянии с Восточной Европой «Запад должен найти лучшие, более гуманные, более свободные и более социально приемлемые решения жизненных проблем в современном мире» (Мюллер-Армак, 2007, с.54). А Л.Эрхард, стремившийся найти в самом народе стимулы к экономическому росту, с одной стороны, отмечал, что в этом «определяющее значение имеют не только технические, автоматические механизмы поддержания сбалансированности на рынке, но и духовные, и нравственные представления. Одного поддержания равновесия между спросом и предложением через свободное формирование цен мало для оправдания общественного строя или наполнения его идейного багажа» (Эрхард, 2007, с.42). Причем он был противником политики, основанной на государственном перераспределении ресурсов, для решения тех или иных социальных нужд и называл такое государство «снабженческим» (Эрхард, 2007, с.88).

Таким образом, провозглашенное в Конституции РФ социальное государство столкнулось с привычными для страны институтами, называемыми, в частности, «власть-собственность». А потому рост открытого неравенства, вызванный и началом реформ, и структурными деформациями советского периода, привел к резкому росту отрицания самого перехода к рыночной экономике. Правда, в 2000-е гг. с ростом цен на энергоносители люди стали получать некоторую часть рентных доходов. Уровень бедности несколько снизился, но неравенство, во многом обусловленное институциональной системой, продолжало расти. И свойственная системе «власть-собственность» иерархическая конструкция чем дальше, тем больше входила в противоречие с принципами социального государства и укорененными в массах представлениями о справедливости. Не удивительно, что власть, согласно опросам, считали справедливой в 2010-х гг.

от 3 до 8% опрошенных. Причем в 2019 г. 53% населения на вопрос о том, почему интересы власти и общества не совпадают, выбрали ответ «Власти живут за счет населения, их мало волнует, как живет народ» (Общественное мнение, 2020, с.41,42).

Столь же серьезные расхождения в представлениях о том, какие приоритеты должно ставить социальное государство, выявляются и на уровне функционирования институтов (прежде всего, государственных), призванных обеспечивать «достойную жизнь и свободное развитие человека», как указано в Конституции РФ. И в советский, и в постсоветский периоды учреждения здравоохранения, образования, науки, культуры финансировались по остаточному принципу, не выдерживались даже пропорциональные нормы, законодательно утвержденные для бюджета на эти цели. При этом, как отмечает А.Я.Рубинштейн, «чиновникам Минфина удалось невозможное – бюджетное обязательство учредителей «переплавить» в обязанности созданных ими организаций культуры, образования и науки выполнять необоснованно установленные этим ведомствам требования в области расходов труда и материалов» (Рубинштейн, 2019, с.118).

Такой подход – яркое свидетельство расхождения реальности и провозглашенных в Конституции РФ принципов. В то же время, вряд ли истоком его являются чиновники Минфина, верстающие бюджет. Они в своих действиях опираются на полученные с более высоких этажей административной иерархии приоритеты. Приоритеты же эти сформулированы в официальной концепции национальной безопасности, которая строится на основе четкой триады «государство – общество – человек». При таком подходе естественным оказывается традиционное финансирование отраслей, обслуживающих человека, по остаточному принципу.

Между тем представляется, что в современных условиях начавшегося перехода к качественно новому этапу научно-технической революции, к экономике знаний жизненно необходим пересмотр традиционной триады «государство – общество – человек» на «человек – общество – государство». Тут уместно вспомнить, что и переход к индустриализации страны потребовал от огромного числа работников (не только руководящих, но и рядовых) качественно иных образования и культуры. Не случайно этот качественный сдвиг получил у нас название «культурная революция». И новый этап развития, в который вступает сегодня мир, требует новой «культурной революции», способной готовить в массовом количестве людей, знающих, как ориентироваться в новом обществе, и обладающих соответствующим уровнем не просто профессиональной, но и общей культуры. А также создавать условия не только для тех, кто рождает идеи, дающие пути развития и экономики, и культуры нового качества, но и для тех, кто должен будет переводить их в сферу массового производства или услуг. Напомню, что Д. Норт отмечал, что «специализированное знание» обретает ценность лишь при связи его с «вспомогательными знаниями» (Норт, 2010, 172).

Стоит напомнить, что идея о новой триаде национальной безопасности была выдвинута еще в 1990 г. академиком Ю.А.Рыжовым. Важно, что она стала результатом наблюдений и размышлений академика о причинах выявлявшейся уже в 1970-х гг. постепенной деградации той отрасли, в которой он работал и которая всегда была приоритетной в отечественных представлениях о национальной безопасности, – в авиационной и космической. То есть проблемы с формированием соответствующего потребностям времени человеческого потенциала появились в стране еще в советский период, но не были в достаточной степени осмыслены и востребованы.

Думается, если наша страна хочет остаться среди передовых государств мира, необходимо вернуться к выдвинутой Рыжовым идее. Это необходимо для создания в стране человеческого потенциала нового количества и качества. Это же открывает новые перспективы для построения в стране социального государства, достижения им уровня «государства всеобщего благосостояния», нацеленного не только на резкое сокращение показателей имущественного неравенства, но и на обеспечение для значительной части населения условий доступа к качественным образцам культуры, образования, современного здравоохранения. Лишь данное сочетание может дать стране шанс такого экономического роста и развития, который поможет снять противоречие между реальностью и зафиксированным в Конституции РФ тезисом о России как социальном государстве. И как раз такой путь, как это ни покажется кому-то парадоксальным, открывает дорогу и к истинной национальной безопасности страны, не только внутренней, но и внешней.

ЛИТЕРАТУРА

- Мюллер-Армач А.(2007). Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России. (Под ред. Р.М.Нуреева) М.: ГУ ВШЭ, ТЕИС, 52-72.
- Норт Д. (2010). Понимание процессов экономических изменений. М.: ГУ ВШЭ.
- Общественное мнение – 2019. Ежегодник.(2020). М.: Левада-Центр.
- Рубинштейн А.Я. (2019). О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе// Вопросы теоретической экономики. № 1, 116-132.
- Эрхард Л. (2007). Мышление порядка в рыночной экономике // Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России. Под ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ ВШЭ, ТЕИС, 39-52.
- Hellman J. (1998) Winners Take. All the Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics, vol.50, no.2, 203-234.

Л.С.Ржаницына
Институт экономики РАН

Совершенствование системы получения алиментов -путь снижения бедности в России

Одна из национальных целей страны в период до 2030 года -сокращение доли бедных в два раза. Их численность, как известно, устанавливается по доходу ниже прожиточного минимума, который с 2021 году определяется как 44,2% медианного дохода граждан. С 1 января 2021 года прожиточный минимум для детей равен 11 303 рублей в месяц[1].Среди факторов, определяющих бедность, безусловно, есть демографические- семьи с одним родителем и ребенком. Причиной разрушения полных семей с двумя родителями нередко является развод, который одна из причин материального неблагополучия таких семей, формирующий бедность.

Осложняет дело то, что Россия -один из лидеров по разводам. В 2019году показатель разводов на 1000 жителей в РФ составлял Россия–4,7 развода на 1000 жителей, тогда как в Беларуси–3,4, Латвии–3,1, Литве–3,0, Грузии–2,7[2]. Отсюда крайне актуальна задача поддержания уровня жизни таких семей, среди которых половина имеет детей, за счет получения алиментов, компенсирующих утрату дохода папы или мамы.

Но, как известно, получение алиментов во всех странах задача не из легких., в том числе и в России, где долг по алиментам по данным Федеральной службы судебных приставов (ФССП)достигает порядка 156 млрд.рублей[3]. Их взыскание в пользу детей позволило бы для многих из них снизить риск бедности. Но дело в том, что в нашей стране взыскание алиментов долго государство относило к частному праву, в связи с чем у потерпевших не было серьезной институциональной поддержки.

Только когда Россия ратифицировала Конвенцию ООН «О правах ребенка», государству пришлось активизировать свое участие через орган, обязанный изымать средства из дохода или имущества должника –Федеральную службу судебных приставов (ФССП). Однако успехи Службы минимальны, удовлетворяется примерно десятая часть долгов, и потому требуется кардинальное совершенствование системы.

Первый конкурс по разработке научно обоснованных принципов этой системы Минсоцзащиты РФ объявило, аж,в 2009 году. Участником конкурса был единственный человек, естественно его победитель и разработчик будущего проекта-автор этой статьи. Объяснение простое-по теме практически не было информации, раз государство ею не интересовалось. Она появилась только после проведения первичного исследования в Москве при активном участии Вице-Мэра Л.И. Швецовой.

Полевая часть его включала: соцопрос, расчет численности участников, изучение причин разводов, правовых оснований (судебное решение,

нотариальное соглашение, личная договоренность), изучение зарубежного и советского опыта. Теоретическая часть содержала законопроекты новых положений и институтов. К примеру, в Семейном кодексе РФ должно появиться обязательное назначение при разводе в суде алиментов либо заключения нотариального соглашения. А в федеральном законодательстве было предложено введение новых категорий регулирования этой сферы: минимальный стандарт алиментов, алиментное пособие и создание Государственного алиментного фонда.

Но прежде всего, следовало определить, сколько детей претендуют на алименты, ибо регулярно отчетности по данному вопросу не было. Пришлось воспользоваться переписью населения 2010 года, по которой можно говорить о почти 2млн. распавшихся семей и по оценкам правом на получение алиментов в России обладают примерно 3,2 млн. детей из семей, официально состоящих в браке; разведенных сожителей, а также одиноких матерей, у детей которых в метрике был обозначен отец. Но фактически же получают алименты порядка 1,1млн.детей. Размер их, по данным Росстата, составляет 3,2 тыс. руб./мес. по суду, а по договоренности-2,3 тыс. руб. [4 , 5].

Что касается неплательщиков, то, по данным ФССП, типичный уклонист— трудоспособный и здоровый мужчина в возрасте от 30 до 42лет. Причем у должника нередко нет официальной зарплаты, у 180 тыс. из них нет никакого дохода и имущества. И среди них много людей с асоциальным поведением-алкоголиков и наркоманов.

Отсюда, взыскание долгов представлялось большой трудностью. Использовались различные меры. Поэтому половине должников приставы ограничили выезд за рубеж, а каждого пятого злостного неплательщика ограничили в пользовании водительскими правами, если машина не требуется для работы. Но грустная правда состояла в том, что приставам удается взыскать долги только с каждого десятого должника[3]. Кроме того, с вступлением в силу Федерального закона № 48-ФЗ от 07.03.2018 г. «О внесении изменений в статью 278 Гражданского процессуального кодекса РФ и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» получила распространение такая мера, как признание судом должников по алиментам безвестно отсутствующими, в результате чего взыскатели имеют возможность получать пенсию на детей по потере кормильца. В 2018 году таковых было порядка 400 человек.

Вместе с тем, Россия, где взыскание алиментов организовано в формате деятельности ФССП, в задачу которой входит исполнение всех судебных решений по долгам физических лиц, алименты не могли быть приоритетом. И для эффективной работы в пользу интересов детей необходим специальный институт, что собственно и было использовано в международной практике- создание в нашей стране специальной структуры- условно Государственного Алиментного фонда (ГАФ). Аналогичные структуры есть во многих странах (Канадское агентство по исполнению алиментных ордеров, Нидерландское федеральное бюро по

алиментам, федеральный офис по исполнению алиментных ордеров в США – и т.п.).

Функции ГАФ позволяют усилить процесс розыска должников, он будет выплачивать алиментное пособие в период их розыска, таковое сейчас существует в регионах в мизерных размерах (от 90 руб./мес.) и только малообеспеченным семьям. Минимальный стандарт алиментов позволит повысить выплаты и расширить круг получателей (детям-инвалидам, детям, содержание которых особенно пострадало после развода, детям, продолжающим учебу и т.п.). Наконец, облегчить положение женщин, вынужденных сотрудничать с приставами. Действия будут более успешными, если розыском займутся вместо нее чиновник ГАФ. Фонд стал особенно необходим на основе интернационализации разводом.

С учетом объективной ситуации в сфере алиментных отношений в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 -2017 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 1 июня 2012г. No761, предусматривала разработку мер по обеспечению регулярности выплат алиментов, достаточных для содержания детей, в том числе посредством создания государственного алиментного фонда(раздел 4. Меры, направленные на сокращение бедности среди семей с детьми) [6]. Но это так и не было выполнено.

Однако в 2020 году, опять возникла идея подобной структуры, которая и ранее и ныне поддерживается председателем Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко, депутатом Госдумы О.В. Пушкиной и др. Опять напомнил о задаче облегчения получения алиментов Президент России В.В. Путин, поручив правительству разработать и представить новые виды адресной поддержки детей, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов[7].

С учетом перечисленных инициатив лиц, принимающих государственные решения автор идеи ГАФ в РФ проф. Л.С. Ржаницына напоминает, что ею разработаны и опубликованы соответствующие законопроекты с расчетами и обоснованиями, которыми можно воспользоваться в начале действий по улучшению системы регулирования алиментных отношений[4,5].

Литература

- 1.Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. No 2406 « Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2021 год».
2. Россия -чемпион по разводам в мире за 2019 год....news.myseldon.com>ru/news/index/221440120
3. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Стенограмма заседанияNo486, 15 июля 2020г.,«правительственный час» с участием директора Федеральной службы судебных приставов –главного судебного

- пристава Дмитрия Аристова, council.gov.ru» Заседания СФ»meetings4.
- 4.Ржаницына Л.С. (2008).Проблемы алиментов на детей. Московский проект. М,ООО«НордМедиа».
- 5.РжаницынаЛ.С.(212). Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. М, ИЭ РАН.
6. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 -2017 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 1 июня 2012г. No761
7. РБК: <https://www.rbc.ru/society/26/10/2020/5f96e69a9a79474db5eca666>

Развитие инструментов оценки нуждаемости в долговременном уходе в странах мира

Россия, как и другие развитые страны мира, сталкивается с ростом доли и численности населения старше трудоспособного возраста. Старение населения определяет рост спроса на услуги долговременного ухода. С 2018 года в стране реализуется пилотный проект по созданию системы долговременного ухода (СДУ), призванный обеспечить население России комплексными услугами, компенсирующими потерю функциональных возможностей в старшем возрасте и замедляющий этот естественный процесс. Создание СДУ требует перестройку существующей в России системы социального обслуживания, не отвечающей всем потребностям населения старшего возраста.

Одним из ключевых блоков СДУ является процедура оценки нуждаемости в обслуживании – условия, определяющие вход в систему и объем гарантий, на которые вправе рассчитывать индивид: характеристики услуг и/или выплат, а также условия их получения и, как следствие, доступность долговременного ухода для разных групп населения. Существующее законодательство по социальному обслуживанию (Федеральный закон...) определяет характеристики получателей услуг в самом общем виде (инвалиды и лица старшего возраста), не позволяет стратифицировать потенциальных клиентов по объемам услуг, в которых они нуждаются и, следовательно, и не дает возможности провести соответствие между характеристиками клиента и объемом ресурсов, которые должны быть затрачены на его обслуживание. По заявлению Голубевой и Даниловой (2009), «определение нуждаемости пожилых [в социальном обслуживании] исходит из того, что социальный сервис может предложить» (с. 24), а не из реальных потребностей клиента. В последние годы отдельные субъекты РФ (например, Белгородская, Нижегородская и Самарская области) вне пилотного проекта приняли методики по оценке нуждаемости в социальном обслуживании на основе функционального статуса клиента. Однако в большинстве регионов такая задача не ставилась.

Поскольку на международном уровне какой-либо единый стандарт оценки нуждаемости в долговременном уходе отсутствует, целью данной работы стал анализ опыта стран мира по созданию и реформированию оценки нуждаемости в долговременном уходе. Среди задач исследования: (1) анализ состава индикаторов, определяющих степень нуждаемости в долговременном уходе и условия получения услуг, (2) выявление вызовов и параметров системы долговременного ухода за пределами оценки нуждаемости, определяющих выбор тех или иных индикаторов. Анализ был проведен на материалах о национальных системах долговременного ухода стран мира, представленных в

публикациях в международных рецензируемых научных журналах, а также докладах, размещенных в открытом доступе в сети Интернет.

Новизна исследования состоит в том, что в его ходе были детально проанализированы отдельные параметры процедуры оценки нуждаемости в долговременном уходе: используемые индикаторы функционального статуса, социального положения и вклада родственников в уход. В известных нам других работах российских исследователей о проблемах организации системы долговременного ухода вопросы оценки нуждаемости не являются центральными и поэтому их детальное рассмотрение становится невозможным. Голубева и Данилова (2009), в общем виде описывая процесс оценки нуждаемости в долговременном уходе в развитых странах, не давая каких-либо оценок его отдельным процедурам, подчеркивают важность проведения всесторонней оценки потребностей индивида. По их мнению, выявление задает «максимум» услуг, которые ему могут быть оказаны, а неполное их выявление ведет к неполному удовлетворению потребностей в уходе. В статье Грициной и Цацур (2019) среди актуальных проблем существующей системы социального обслуживания упоминается отсутствие единой национальной методики оценки нуждаемости. Рассматривая финансовые модели долговременного ухода, Шестакова (2015) касается проблемы нуждаемости по доходу в данных услугах.

Проведенный нами анализ показал, что на протяжении второй половины XX века – в начале XXI века происходило усложнение шкал и методик оценки нуждаемости в уходе. Если шкалы первого поколения учитывают наличие затруднений с выполнением простейших задач, связанных с физиологическими потребностями, то шкалы второго поколения учитывают наличие проблем более широкого спектра, включая когнитивные и психологические нарушения, а также позволяют оценить нуждаемость в привязке к качеству жизни пожилого человека. Третье поколение шкал появилось в ответ на приобретающую все большую актуальность в социальной сфере задачу по интеграции ведомств и служб. Для этого периода характерен поиск универсальных систем показателей, которые могли бы использоваться для оценки состояния здоровья населения всех возрастов специалистами разных профилей для решения различных задач. Как отмечают эксперты, такие методики позволяют снизить нагрузку на граждан, создаваемую необходимостью проходить тесты и обследования, однако порождают целый ряд вызовов для систем, на которые развитым странам пока не удалось дать адекватный ответ. Среди этих вызовов сопротивление профессиональных сообществ и возрастающая стоимость процесса оценивания.

Обзоры систем долговременного ухода стран свидетельствуют о том, что развитие национальных методик оценки нуждаемости происходит в соответствии со сменой поколения шкал. Кроме того, при развитии методик национальные системы сталкиваются со следующими дилеммами с неочевидным выбором:

- наиболее полный учет нужд заявителя и сопутствующее усложнение методики *ИЛИ* прозрачность процедуры оценивания для клиентов системы;
- адресное предоставление услуг по уходу *ИЛИ* сдерживание затрат на социальную поддержку;
- стимулирование неформального ухода *ИЛИ* развитие формальных услуг по уходу;
- использование локальных *ИЛИ* национальных методик оценки нуждаемости;
- низкий *ИЛИ* высокий порог на вход в систему (профилактика нуждаемости *ИЛИ* сдерживание роста затрат)

Российскую методику оценки нуждаемости в долговременном уходе следует выстраивать с описанными выше тенденциями по изменению содержания и функций методик, а также по итогам ответов на вопросы-дилеммы.

Источники

Голубева Е.Ю., Данилова Р.И. (2009). Оценка потребности в уходе/обслуживании как ключевая составляющая в планировании услуг для лиц пожилого возраста // Клиническая геронтология, № 12, 23-27.

Гришина Е.Е., Цацура Е.А. (2019). Социальное обслуживание пожилых: что происходит и возможно ли развитие? // Власть, №3, 145-154.

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013. N 442-ФЗ.

Шестакова Е.Е. (2005). Организация и финансирование долговременного ухода за престарелыми: опыт стран ОЭСР // Управление здравоохранением, т. 45, № 3, 109-122.

Уязвимые группы в условиях цифровизации: вызовы для социальной политики

Важным фокусом социальной политики являются проблемы уязвимых групп населения, в число которых входят лица старших возрастов, женщины, обремененные семейными обязанностями, лица с ограниченными возможностями здоровья. К числу уязвимых часто также относят молодежь, испытывающую сложности при переходе от учебы к работе. Сегодня положение уязвимых групп может меняться под влиянием стремительно распространяющихся цифровых технологий, которые не только радикально трансформируют процессы передачи, поиска и обработки информации, но и изменяют систему взаимоотношений людей в обществе. С одной стороны, это актуализирует угрозу так называемой функциональной неграмотности – неспособности ряда категорий населения, обладающих квалификацией «доцифрового» поколения, безболезненно вписаться в изменяющуюся социально-экономическую среду. С другой, открывает более широкие возможности развития гибких, в том числе дистанционных, форм взаимодействия, которые позволяют более успешно адаптировать проблемные категории в повседневной жизни и в сфере труда.

В исследовании предпринята попытка оценить способность и готовность различных слоев и групп населения использовать возможности, создаваемые цифровыми технологиями, выявить факторы, способствующие или препятствующие адаптации к изменяющемуся контексту жизнедеятельности, уточнить состав уязвимых категорий, попадающих в зону повышенного риска социальной изоляции с наступлением цифровой экономики, на которые целесообразно направить специальные программы социальной поддержки.

Информационной базой исследования стали данные Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (КОУЖ). В качестве дополнительных источников информации привлечены данные Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и Программы международной оценки компетенций взрослого населения. Базовыми индикаторами готовности к использованию цифровых технологий в быту и на рабочих местах показатели уровня и спектра навыков компьютерной грамотности и использования сети интернет различными категориями населения.

Исследование показало, что неравномерность распределения навыков компьютерной грамотности и возможностей, позволяющих использовать преимущества цифровой экономики, в России выше, чем в большинстве стран ОЭСР. При этом существенные различия наблюдаются в зависимости как от социально-демографических характеристик респондентов, так и от внешних обстоятельств. Ключевыми факторами, формирующими неравенство в освоении цифровых технологий, и соответственно, группы риска, по которым динамичное наступления цифровой экономики ударяет особенно болезненно, являются возраст, уровень образования, состояние

здоровья (наличие инвалидности), материальное положение домохозяйства и место проживания респондента. В зону риска попадают лица старших возрастов, лица с невысоким уровнем образования, проживающие в бедных и малообеспеченных домохозяйствах, жители сельской местности.

Доминирующим фактором предсказуемо выступает возраст: с возрастом неуклонно падает доля владеющих компьютером и сужается спектр навыков компьютерной грамотности. Функциональная неграмотность прежде всего затрагивает старшие возрастные группы, что следует иметь ввиду при оценке социальных и экономических последствий повышения пенсионного возраста. Улучшение показателей между раундами КОУЖ в большой степени явилось результатом вступления в трудоспособный возраст хорошо адаптированных к цифровой экономике молодежных когорт.

Во всех возрастных категориях значимое отрицательное влияние на оба выбранных индикатора адаптированности к цифровой экономике оказывает фактор бедности. При этом он наиболее ощутим в младших возрастах и менее всего прослеживается для лиц пенсионного возраста. В данном аспекте наиболее тревожным является разрыв в возможностях доступа к цифровым технологиям бедной и небедной молодежи.

Особо выделены категории населения, обладающие сниженной мобильностью и ограниченными в силу этого возможностями участия в общественной жизни и в оплачиваемой занятости в ее стандартных формах. Для них овладение цифровыми навыками может открыть принципиально новые возможности и в плане повышения материального достатка, и в плане социального самочувствия. К таким категориям относятся инвалиды и лица, обремененные обязанностями по уходу за детьми и другими членами семьи, которые не могут обслуживать себя самостоятельно. Однако по наличию базовых навыков, необходимых для полноценного использования преимуществ, открываемых цифровой экономикой, рассматриваемые категории проигрывают основной массе населения. В первую очередь это касается лиц с инвалидностью. Поскольку часть из них имеет серьезные ментальные нарушения, для этой категории в анализ не были включены лица с образованием ниже общего полного. Предполагалось, что факт получения полного среднего образования свидетельствует о сохранности интеллекта. Тем не менее наличие цифровых навыков и возможности их использования продемонстрировало лишь около половины из них, что значительно ниже средних показателей. Проведенный анализ показал, что проблема недоиспользования человеческого потенциала наиболее остро стоит для молодых инвалидов, которые в отличие от представителей старших возрастных когорт обладают достаточным базовым уровнем интернет грамотности, в принципе позволяющим вписаться в цифровую экономику. Однако для этого нужно улучшить профориентацию и кардинально повысить эффективность программ профессиональной реабилитации лиц с инвалидностью.

Следует подчеркнуть, что для групп населения, попадающих одновременно под действие двух или нескольких неблагоприятных факторов, риск неспособности адаптироваться к цифровой экономике существенно возрастает. Поэтому целесообразно разрабатывать специальные меры и программы, направленные именно на эти категории. Особое внимание необходимо оказавшейся в зоне риска молодежи, для которой отсутствие соответствующих навыков неминуемо будет выступать серьезным препятствием при построении трудовой карьеры, так как оборачивается снижением их привлекательности для работодателей на фоне высокой интернет грамотности возрастной когорты, в которой они конкурируют на рынке труда.

Н. Е. Тихонова
НИУ ВШЭ,
ИС ФНИСЦ РАН,
Е. Д. Слободенюк
НИУ ВШЭ,
ИС ФНИСЦ РАН.

Бедность российских профессионалов:
распространенность, причины, тенденции¹

Профессионалы традиционно рассматриваются как относительно благополучная профессиональная группа и основа среднего класса в любом современном обществе. Это обусловлено тем, что они являются обладателями очень важного для современной экономики вида активов – качественного человеческого капитала. Однако в России со второй половины 2000-х гг. фиксируется как рост безработицы среди лиц с высшим образованием, так и снижение монетарных отдач на него у работающих на предполагающих этот образовательный уровень рабочих местах. Растущие риски безработицы, нестабильной занятости и относительного снижения оплаты труда российских профессионалов в будущем могут совместиться с последствиями процессов расслоения и поляризации данной группы, прекаризации ее представителей под влиянием ускоряющихся во всем мире технологических изменений. И хотя типичная для 1990-х годов проблема массовой бедности российских профессионалов к середине 2000-х, казалось бы, прочно ушла из повестки дня, на самом деле она лишь на время перешла в «тлеющее» состояние и в ближайшее время может вновь обостриться.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (№ 19-29-07172).

Под профессионалами, как особой группой в рамках социальной структуры общества, в своем исследовании мы понимали тех работников, которые в соответствии с Международным классификатором занятий (ISCO-08) относятся ко второму профессиональному классу (ILO, 2012). Для выделения группы бедных нами была выбрана методика, приближенная к используемой ФСГС РФ и заключающаяся в соотношении совокупного дохода домохозяйства с его прожиточным минимумом, рассчитанным на основе региональных нормативов с учетом индивидуального состава семьи, т.е. количества детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста в ней. Дополнительно мы анализировали малообеспеченность как еще одну разновидность социального неблагополучия. Под малообеспеченными мы понимали небедных россиян, чьи доходы в домохозяйстве не превышали полутора прожиточных минимумов домохозяйства. Эмпирической базой исследования выступили репрезентативные версии 9, 20 и 28 волн РМЭЗ НИУ ВШЭ² за 2000, 2011 и 2019 гг., а также данные ФСГС РФ.

Как показал проведенный анализ, бедность и малообеспеченность распространены среди российских профессионалов довольно широко (6% и 15% от их числа по состоянию на 2019 г., соответственно). В сравнении с 2000 г., когда только за «чертой бедности» находилось больше половины представителей данной группы, такая ситуация выглядит намного более благополучной, однако улучшения эти произошли в основном еще до начала кризиса 2008-2009 гг.

Ключевой причиной бедности и малообеспеченности профессионалов является сейчас в России в целом низкая оплата высококвалифицированного нефизического труда. Стоимость инвестиций для формирования качественного человеческого капитала в его классической трактовке (Becker, 1964) при определении их зарплат обычно недоучитывается, а цену на труд профессионалов определяет, как правило, соотношение спроса и

2 Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины и Института социологии ФНИСЦ РАН. Сайт обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms>.

предложения на конкретных сегментах локальных рынков труда. При этом дисбаланс между числом рабочих мест, предполагающих высшее образование, и численностью имеющих его работников с каждым годом усиливается, что оказывает понижающее действие на зарплаты профессионалов.

Общую недооценку высококвалифицированного нефизического труда в российской экономике усугубляют неравенства оплаты труда – региональные, поселенческие, меж- и внутриотраслевые, в разных секторах экономики, на предприятиях различного размера и т.п. Ключевую роль среди них играют поселенческие неравенства, «стягивающие» на себя в силу специфики структуры экономики разных типов поселений все остальные их виды. Благополучные профессионалы в массе своей сосредоточены в крупных городах, бедные – в малых поселениях, прежде всего сельских, и такая их поселенческая локализация в течение последних 20 лет усиливается.

К этим причинам их бедности добавляются специфика человеческого капитала профессионалов из разных типов поселений, также влияющая на размер их зарплат, и иждивенческая нагрузка в их домохозяйствах, определяющая уровень их среднедушевых доходов. Роль этих причин бедности профессионалов в последние годы выросла. При этом бедность для них в большей степени связана со спецификой их человеческого капитала, в то время как для малообеспеченности относительно важнее факторы социально-демографического характера. Однако в абсолютном выражении роль иждивенческой нагрузки детьми для бедных профессионалов больше, чем для малообеспеченных.

Способов изменить положение за счет собственных усилий у профессионалов немного. Во-первых, это отказ от рождения детей – способ пока не слишком популярный, хотя и встречающийся. Во-вторых, это возможность наращивать качество своего человеческого капитала – способ малоперспективный, так как во всех типах поселений большинство профессионалов с качественным человеческим капиталом имеют зарплаты,

не способные обеспечить без высоких рисков бедности и малообеспеченности даже простое демографическое воспроизводство. В-третьих, это переезд в другой тип поселений – способ, теряющий с годами свою популярность в силу снижения рента от такого переезда. В-четвертых, это вторичная занятость – способ, доступный преимущественно наиболее квалифицированным профессионалам. Его распространенность за последние 20 лет сократилась, а смысл изменился. В 2011 г. вторичная занятость позволяла профессионалам улучшить свое материальное положение по отношению к группе в целом, в то время как в 2019 г. - лишь сохранить соответствующий ей профиль доходного распределения. Наконец, в-пятых, это смена места работы в рамках нынешнего места жительства. Сейчас эта мера является для профессионалов, однако, скорее способом сохранения занятости, чем улучшения ее качества.

Сложившееся положение чревато серьезными последствиями для российского общества в целом и требует от него активных действий. Высокие и растущие со временем риски бедности при наличии двух детей чреваты проблемами с воспроизводством высококачественной рабочей силы в масштабах страны и являются серьезным препятствием для формирования российского среднего класса. Слабая связь качества человеческого капитала и уровня заработной платы демотивирует профессионалов в наращивании своих знаний и навыков. Большое количество и важная роль для оплаты их труда факторов, связанных со структурой экономики в определенной локации, принижают роль их собственных усилий для повышения своего благосостояния. Все это требует активизации государственной социально-экономической политики даже в отношении этой, казалось бы, относительно благополучной на общем фоне населения страны группы.

Список литературы:

Becker G. S. (1964). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. University of Chicago Press.

ILO (2012). International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 / International Labour Office. Geneva: ILO.